

Тихомиров и Кропоткин

Ем. Пугачев

1 экз

ЕМЕЛЬКА ПУГАЧЕВЪ

270/771

158
7598

ИЛИ ЛЮБОВЬ КАЗАКА

Ц 68
Т 598

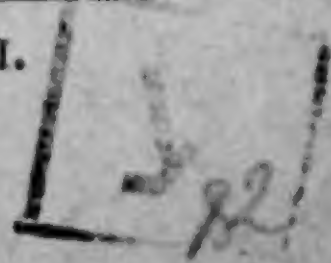
Дозволено цензурою. Москва, 2 Мая 1871 г.

418
39 4-3318

Печатано съ изданія 1869 г., безъ перемѣны.

2011

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сто лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ надъ Россіей, словно гроза божія, разразилася Пугачевщина. Страшное это было время для всѣхъ утѣснителей народа, но за то радостное для угнетенныхъ крестьянъ. Какъ волны морскія въ бурю, поднялись тогда толпы крестьянъ и рабочихъ, и стали истреблять всѣхъ своихъ злыхъ враговъ, всѣхъ дворянъ, помѣщиковъ, управляющихъ, прикащиковъ, поповъ и всякое начальство. И прогремѣло тогда по всей Россіи, изъ конца въ конецъ, имя удалого бойца за волю народную, имя Емельяна Ивановича Пугачева.

Долго куражились надъ Русской землею дворяне и начальство, долго они на всей своей волѣ тѣшились надъ мужикомъ сиволапымъ. И мужикъ терпѣлъ, все терпѣлъ, стоналъ кровью и слезами обливался, стоналъ втихомолку. Наконецъ не стало мочи.

Кликнулъ кличъ на всю Русь-Матушку уда-
лой козакъ Емельянъ Пугачовъ, и отозвался на
этотъ кличъ русскій мужикъ. Поднялъ мужикъ
свою буйну голову, тряхнулъ своими плечами мо-
гучими, и посыпались во всѣ стороны его му-
чители, словно карлики, словно мошка мелкая.
Полетѣли во всѣ стороны головы дворянскія,
полилась ручьями ихъ кровь благородная.

Народъ проснулся во всемъ гнѣвѣ своемъ, и
началась кровавая расправа, и отплатилъ онъ
дворянамъ за все. Отлились волку овечьи слезы!

Перепугались дворяне, перепугались началь-
ники, перепугалась сама императрица... Увида-
ли они, что наступаетъ конецъ ихъ царству, что
всѣмъ имъ гибель, всѣмъ одна веревка вьется,
на всѣхъ одинъ топоръ точится. И собрали
они всѣ силы свои, собрали деньги, собрали
оружіе, собрали войско и вышли супротивъ сѣ-
рыхъ мужиковъ на страшный бой, на послѣдній
бой.

Сплоховали тутъ крестьяне: не съумѣли они
дружно за дѣло до конца постоять. Взяло верхъ
надъ ними дворянское войско, и пришлось му-
жикамъ разбѣжаться во всѣ стороны, по раз-
нымъ дорогамъ; только всѣ дороги къ одному
мѣсту сошлись къ острогу, да каторгѣ. Сокру-

шилася сила крестьянская, и до поры, до времени заснул мужикъ опять непробуднымъ сномъ.

А удалой казакъ Пугачовъ угодилъ въ деревянную клѣтку, а изъ клѣтки въ острогъ и на плаху; и срубили ему буйну голову, отрубили руки и ноги, чтобы впредь и другимъ неповадно было идти противъ баръ и чиновниковъ.

Прошло сто лѣтъ съ той славной поры. Спитъ народъ по прежнему, и сталъ ужъ онъ забывать своихъ удалыхъ бойцовъ. Кто нынѣ помнить про Чьку, про Хлопушу, про Овчинникова и другихъ? Самого Пугачова еле помнятъ, да и то считаютъ его чуть не разбойникомъ. Плохо помнить народъ свою славу, плохо помнить онъ тѣхъ, кто всю жизнь за него отдалъ! Не такъ дѣлаютъ богачи и дворяне. У нихъ съизмальства, даже малаго ребенка учать, чтобъ зналъ онъ всѣхъ, кто старался для богачей и дворянъ порадовать.

Знаютъ ли крестьяне, почему не удалось Пугачову довершить свое дѣло? Знаютъ ли крестьяне какія тогда ошибки сдѣланы? Нѣтъ, они этого не знаютъ. И если вскорѣ снова они подымутся за землю и волю, то снова надѣлаютъ тѣхъ же ошибокъ, и ихъ снова побьютъ, какъ побили Пугачова съ товарищами. Дворяне же

учатся тому какъ дѣйствовали ихъ отцы и дѣды, какія они ошибки дѣлали, и сами ужь навѣрное такихъ ошибокъ въ другой разъ не надѣлаютъ, потому то они и властвуютъ надъ темнымъ мужикомъ.

Для того я и пишу эту книгу, чтобъ напомнить народу о его заступникахъ; чтобъ показать почему ихъ дѣло не выгорѣло, и какъ долженъ дѣйствовать народъ, чтобы впередъ съизнова не прогорѣть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Россіи царствовала императрица Екатерина Вторая. Придворные, дворяне и богатые люди прозвали ее Великою.

Это они разсудили вѣрно. Для нихъ, Екатерина была точно великая и добрая государыня; она дала дворянамъ всякія права, и наградила всякими своими милостями. Вотъ, если бы народъ давалъ свои прозвища царямъ, то онъ непременно назвалъ бы Екатерину—Проклятою, либо Жестокою, потому что никогда еще не приходилось народу такъ плохо, какъ при этой царицѣ. Къ мужикамъ у ней не было ни какой жалости; она ихъ хуже татаръ обирала, она истребила народа больше, чѣмъ любая чума или холера.

Екатерина Вторая очень любила почетъ и хотѣла, чтобы всѣ государи боялись и уважали ее. Изъ за этаго она все воевала, со всѣми сосѣдними царствами, всѣхъ побѣдила, и у всѣхъ отнимала земли. Однимъ словомъ, она страхъ и

ужасъ нагнала на всѣхъ иноземныхъ царей. И по сердцу было это Екатеринѣ: она радовалась и величалась. Радовались и дворяне русскіе. И не диво: на войнѣ они были все офицерами, генералами, начальниками, и получали за побѣды много орденовъ, чиновъ, денежныхъ наградъ и помѣстій.

Много въ награду своимъ любезнымъ дворянамъ раздала царица Екатерина земель съ казенными крестьянами, много вольныхъ людей отдала она имъ въ крѣпость. Такъ не мудрено что дворяне радовались, пиры задавали праздновали побѣды, и славили свою великую государыню. Они и по сію пору ее помнятъ, и въ нынѣшнемъ году памятникъ ей въ Петербургѣ поставили.

Екатерина хотѣла, чтобы всѣ государи удивлялись ея богатству и великолѣпію. Для этого она строила богатѣйшіе дворцы, убирала ихъ серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями; устраивала чуть не каждый день праздники, пиры и гулянки. Развела около себя цѣлыя своры придворныхъ. Всѣ они были разодѣты въ шолкъ да бархатъ, жили тоже въ дворцахъ, ѣли на золотѣ да на серебрѣ и говорили на иностранныхъ языкахъ, все больше по французски.

Императрица хотѣла, чтобы вокругъ нея все было богато, пышно, шумно и весело; и для этого раздавала дворянамъ земли съ крестьянами. Не одну сотню тысячъ душъ человѣческихъ отдала она въ крѣпостные господамъ. И господа собирали съ мужиковъ денежки, а потомъ прокучивали ихъ въ Питеръ на разные роскошества.

Екатерина Вторая хотѣла, чтобы вокругъ нея было обращеніе тонкое, деликатное; поэтому она завела для дворянъ много разныхъ школъ; въ этихъ школахъ дворяне обучались французскому языку, пляскамъ, вѣжливости всякой и хорошему обращенію.

Любила она и книжку почитать, и за то награждала многихъ писакъ что для нея книжки и стихи сочиняли. Только и здѣсь она тоже себя соблюдала: кто хвалилъ ее въ своихъ книжкахъ тѣхъ она всячески награждала; а если кто писалъ, что не все хорошо въ Русскомъ царствѣ; что хорошо, молъ, о дворянахъ заботиться, да надо и объ мужикѣ малость подумать, ну, такихъ писателей Екатерина не больно жаловала. Одного, Радищева, въ Сибирь отправила за такую книжку; другого, Новикова, въ тюрьму посадила; третьяго, Княжнина, казнить даже хотѣла, да онъ не дождался казни, а самъ умеръ.

Стало быть кто стоялъ за крестьянъ, тотъ долженъ былъ молчать. А разные блюдолизы и придворные прихвостни — Державинъ и другіе въ своихъ книжкахъ взапуски восхваляли великую свою императрицу. А Екатерина читала, да похваливала.

Весело и шумно жили тогда дворяне. Они были богаты, роскошничали и веселились. Во дворцѣ — да въ Питерѣ постоянно задавали пиры, да праздники.

Но не радовался народъ этимъ радостямъ. Не радовался онъ ни войнамъ царскимъ, ни пирамъ, ни веселостямъ. Всѣ эти войны ложились на крестьянскую же шею. Солдаты гибли какъ мухи во всѣхъ этихъ войнахъ, въ сраженіяхъ, а еще пуще того отъ болѣзней. На мѣсто убитыхъ и умершихъ брали новыхъ рекрутовъ. И приходилось матерямъ разстаться со своими сыновьями, женамъ съ мужьями, невѣстамъ съ женихами... Рѣдкое семейство не справляло панихидъ по убитымъ. Императрицѣ на ее войны нужно было много солдатъ, она стала брать ихъ вдвое больше, чѣмъ брали до нея прежніе цари.

Не радостны были для мужиковъ и пиры дворянскіе, и ихъ праздники, и ихъ дворцы богатые. На все это драли оброки — и все съ тѣхъ

же мужиковъ. Съ нихъ бралъ баринъ послѣднее, лишь бы жить пышнѣе. Чтобы барину въ каменныхъ палатахъ жить—разоряли сотни избъ крестьянскихъ; чтобы барину на дорогихъ рыскахъ кататься—сколько нужно было крестьянскихъ лошадей продать; а сколько народу безъ хлѣба оставалось, чтобы баринъ могъ заморскими яствами обжираться! При всѣхъ этихъ поборахъ да тягостяхъ крестьянамъ было больно не весело.

Опять же при Екатеринѣ множество казенныхъ крестьянъ перешли къ господамъ. Прежде значить были все таки вольными людьми, а при ней стали крѣпостными рабами. Сколько ихъ въ рабство пошло—трудно сказать, только не мало. Много сотъ тысячъ—надо думать, потому что Екатерина часто дарила сразу по пяти, да по десяти тысячъ крестьянъ, и даже больше.

Поборы казенные стали при Екатеринѣ вдвое больше, чѣмъ прежде,—не плоше нынѣшнихъ—И довели они этими поборами казенныхъ крестьянъ до полного разоренія.

Господскимъ крестьянамъ—при Екатеринѣ—было еще хуже. При ней помѣщики получили всѣ права надъ крестьянами, и могли съ ними дѣлать все, что хотѣли. Крестьянинъ былъ какъ есть рабъ своего помѣщика, ровно лошадь какая.

Онъ обязанъ былъ исполнять все, что ему баринъ прикажетъ; долженъ былъ уплатить все что спорситъ баринъ. Его били, всячески оскорбляли, и онъ не смѣлъ жаловаться. Да жаловаться и некуда было: для господскихъ крестьянъ совѣтъ суда не было. А если они осмѣливались жаловаться высшему начальству, ихъ жестоко наказывали. Даже тѣхъ, кто писалъ крестьянамъ челобитную, судили и наказывали.

Такъ вотъ было съ крестьянами генеральши Леонтьевой; она до того измучила жестокостями своихъ дворовыхъ и крестьянъ, что они рѣшились подать жалобу самой императрицѣ. Екатерина прочла жалобу, но не поздоровилось отъ этого бѣднымъ челобитчикамъ. Въ наказанье ихъ сѣкли на площадяхъ и по разнымъ деревнямъ для примѣра прочимъ; а потомъ сослали въ каторгу въ Нерчинскъ. Тоже самое было съ крестьянами генеральши Толстой, полковника Лапухина и другихъ помѣщиковъ.

Послѣ этихъ жалобъ императрица издала законъ, чтобы крестьяне не смѣли ни въ какомъ случаѣ жаловаться на господъ; если же пожалуются, то будутъ наказаны: за первый разъ — жалобщика накажутъ ссылкой въ каторгу на одинъ мѣсяць; за второй разъ — кнутомъ

И НА ГОДЪ ВЪ КАТОРГУ; а за третій — опять кнутъ и въ КАТОРГУ НА ВѢЧНО. А чтобы помѣщикъ отъ этаго убытку не потерпѣлъ, что у него одного человѣка сошлютъ, такъ ему начальство выдавало за этаго ссыльнаго зачетную рекрутскую квитанцію.

Послѣ такого закона значить уже жаловаться было невозможно. А между тѣмъ и терпѣть было трудно. Но помѣщики имѣли такія права, что поневолѣ приходилось терпѣть. Помѣщикъ по закону имѣлъ право отдавать крестьянина, для наказанья, въ рекруты на три года. Могъ также безо всякаго суда сослать его въ каторгу на время, а потомъ опять къ себѣ взять. И доставка мужика на каторгу и обратно къ барину и все содержаніе мужика за это время, пища, одежда — все было отъ казны. Такъ что помѣщику стоило только послать за становымъ и сказать ему: „Желаю молъ, этого своего крестьянина на каторгу отправить,“ и крестьянина ссылали, безо всякихъ хлопотъ и расходовъ для помѣщика.

А кромѣ того помѣщикъ могъ ссылатъ крестьянъ въ Сибирь на поселенье, если они въ чемъ прогнѣваютъ его иплость. А чтобы баринъ убытку и отъ этого не терпѣлъ, такъ ему вы-

давались за cadaго сосланнаго деньги изъ казны: 20 рублей за холостаго, и 15 рублей за женатаго, и за cadaго еще выдавалась зачетная рекрутская квитанція. А въ то время и вся то цѣна за душу крестьянскую была 30 рублей, если мужиковъ съ землею покупала. Тутъ же баринъ получалъ 20 рублей, да квитанцію, да и земля при немъ оставалась. Такъ оно и выгодно выходило помѣщику посылать крестьянъ цѣлыми тысячами въ Сибирь. Крестьяне пускай гибнуть тамъ отъ голоду и холоду, а у барина были деньги, и онъ весело кутилъ съ пріятелями.

При такой власти, помѣщики, конечно, драли съ крестьянъ послѣднее. А когда крестьяне не могли добыть съ земли оброковъ, такъ и должны были уходить на заработки въ чужую сторону, какъ и нынѣ бываетъ. Но помѣщики не только обирали крестьянъ; они еще всячески ругались надъ ними и обращались съ ними хуже, чѣмъ съ животными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики всякую невѣсту на первую ночь себѣ брали; часто они отнимали женъ отъ мужьевъ... А женихи и мужья выносили это съ бараньимъ терпѣньемъ! Это время будетъ на вѣкъ позоромъ и стыдомъ для русскаго народа. Прокляты будь

безстыжіе помѣщики! Только стыдъ и позоръ тѣмъ, кто терпѣлъ безъ отместки, потому что терпѣли и терпятъ не отъ безсилія, а отъ своей же трусости.

Надо сказать и то, что не всегда ужъ спокойно терпѣли крестьяне всѣ эти безобразія. Во многихъ мѣстахъ имъ не въ терпѣжъ становилось и они бунтовали. При Екатеринѣ этихъ бунтовъ было множество съ начала до самаго конца ея царствованія, и бывали они по разнымъ концамъ Россіи. Въ самомъ началѣ ея царствованія начался бунтъ въ тверскомъ и клинскомъ уѣздахъ у многихъ помѣщиковъ. Начальство, какъ и слѣдуетъ быть, заступилось за помѣщиковъ и послало туда войско; крестьяне усмирились. Но въ то же время взбунтовались крестьяне села Воскресенскаго, Вяземскаго уѣзда... Когда явилось войско, крестьяне ударили въ набатъ, собралась огромной толпой и стали биться съ солдатами. Солдаты стали изъ пушекъ стрѣлять; 40 чело-вѣкъ крестьянъ было убито и ранено; подъ конецъ они не выдержали и побѣжали. Тогда, конечно, начались всякія истязанія надъ мужиками. Ихъ начали допытывать, кто зачинщикъ, кто бунтовалъ ихъ. И множество народа сослали въ Сибирь.

Въ 1762 году въ Казанской губерніи крестьяне графа Шувалова отказались работать на барина, не захотѣли барщины отбывать. Однако начальство успѣло уговорить ихъ, и хотя съ трудомъ, но возстановило спокойствіе. Въ слѣдующемъ 1763 году, бунтъ начался уже въ Московской губерніи, между крестьянами Данилова и Воскресенскаго монастырей. Сколько не уговаривало ихъ начальство, ничего не могли сдѣлать. Тогда послали войско. Крестьянъ побили, зачинщиковъ сослали въ Сибирь, а остальныхъ пересѣкли.

Послѣ бунтовали въ Тамбовской губерніи крестьяне Фролова-Багрѣева и другихъ помѣщиковъ. Это было въ 1766 году. Войско послали усмирять бунтъ, да долго ничего не могли сдѣлать. Офицеровъ и 12 человекъ солдатъ перебили. Подъ конецъ однако крестьянъ все таки усмирили.

Въ 1771 году былъ опять бунтъ въ Олонекскихъ заводахъ.

Въ 1772 году былъ бунтъ въ Царицынѣ. Въ томъ же самомъ 1772 году начался бунтъ между уральскими казаками. Въ то время они еще назывались Яицкими, по Яику-рѣкѣ. Казаки до того жили совсѣмъ вольно, сами выбирали

своихъ атамановъ и старшинъ, сами промежъ себя управлялись, податей никакихъ не платили въ казну и жили хорошо. Но начальство помаленьку стало прибирать и ихъ къ рукамъ. Цари стали посылать туда начальство отъ себя. Ну и Екатерина послала на Яикъ-рѣку генерала Траубенберга.

Траубенбергъ сталъ обижать казаковъ и прикрывать мошенничества ихъ старшинъ. И довелъ онъ казаковъ до того, что они собрались толпой въ семь тысячъ человекъ. Пошли къ нему и стали ему кричать: „скажи въ послѣдній разъ, разсудишь ты когда нибудь насъ по совѣсти или нѣтъ!“ — Въмѣсто отвѣта, Траубенбергъ выслалъ противъ нихъ солдатъ, но казаки разбили его солдатъ, убили его самого и нѣсколькихъ старшинъ, а имущество ихъ разграбили. Въ этомъ бунтѣ участвовалъ также Максимъ Шигаевъ; послѣ онъ былъ атаманомъ у Пугачева.

Узнавши про бунтъ, Екатерина послала усмирять казаковъ генерала Фреймана съ войскомъ. Фрейманъ разбилъ казаковъ, многихъ изъ нихъ казнилъ, другихъ въ тюрьмы посажалъ, 140 человекъ на каторгу отправилъ, а многихъ отдалъ въ солдаты (только они всѣ убѣжали со

службы); остальныхъ же, кто грабилъ домъ Траубенберга, обложилъ тяжелымъ штрафомъ.

Было много и другихъ бунтовъ. Бунтовали и раскольники, бунтовали горнозаводскіе рабочіе, бунтовали татары, башкиры, тунгусы; однимъ словомъ — трудно даже перечислить всѣ бунты, при Екатеринѣ Второй.

Плохо жилось крестьянамъ въ то время, да врядъ ли лучше было и городскимъ жителямъ, конечно бѣднымъ; богатымъ — другое дѣло — тѣмъ вездѣ и всегда жить хорошо. Городскихъ жителей хуже всего разоряли притѣсненія начальства. Всѣхъ приходилось ублаготворить: и губернатора, и послѣдняго приказнаго. Ни купить, ни продать ничего нельзя было, не давши начальству взятки.

Безъ взятокъ никакъ нельзя было добиться правды въ судѣ. И судиться — было сущая бѣда. Судовъ такое множество развелось, что человѣкъ неученый никакъ не могъ сообразить, куда ему идти, въ какой судъ. Были тогда: уѣздные суды, нижнія расправы, городовые магистраты, нижніе земскіе суды, верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты, верхняя расправа, уголовная палата, гражданская палата, казенная палата, суды сиротскіе

суды совѣстные, а пуще всего было судовъ безсовѣстныхъ. Однимъ словомъ, чуть не для каждаго человѣка былъ особый судъ. Для дворянина одинъ, для купца другой, для казеннаго крестьянина третій; только противъ помѣщиковъ, противъ дворянъ, да противъ начальства никакого суда не было. Придетъ неученый человѣкъ, мѣщанинъ либо мужикъ, въ одно мѣсто, ему говорятъ: „не сюда должна идти твоя просьба, проваливай!“ — поидетъ онъ въ другой судъ — опять не сюда. Въ третій — опять неладно. Плюнетъ наконецъ и махнетъ рукой: „пропадай, моль, вы съ вашими судами!“ — да и поидетъ во свояси ни съ чѣмъ. Либо значить долженъ, все равно какъ теперь, какого нибудь приказнаго, адвоката, просить, чтобъ тотъ разъяснилъ ему, что и какъ дѣлать. Ну, приказная строка и начнетъ изъ него соки выжимать. И дѣло то не сдѣлаетъ, а оберетъ какъ липку, до ниточки. Разоренье одно съ этими судами было. Чиновникамъ тоже нужно было взятки давать, такъ что бѣдному съ богатымъ никакъ было невозможно судиться.

Это первое; второе-то, что на судахъ при допросахъ пытали людей. И истца и отвѣтника сѣкли кнутомъ, чтобъ они правду говорили. Кто

больше, значить, вытерпѣть, тотъ и правъ. Иной человекъ, можетъ, и правъ, да кнута вытерпѣть не можетъ; ну и крикнетъ, что, молъ, виноватъ, только бить перестаньте. А другой и виноватъ, да шкура у него, что у лошади: его бьютъ, а онъ все, знай, свое повторяетъ: „знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю; ни въ чемъ не виноватъ“ — ну и правъ оставался.

Стало быть, судиться въ тѣ времена было трудно. Богатый и знатный человекъ всегда могъ задарить судей, а бѣднаго судьи пыткой заставляли виниться, хоть онъ будь вовсе святой.

Но хуже всего въ тогдашнее время приходилось раскольникамъ. Оброкъ съ нихъ брали двойной; всякій начальникъ могъ ихъ сажать безъ суда въ тюрьмы — да остроги, и поэтому всякій поровнялъ съ нихъ деньгу заполучить. Попы тоже обирали ихъ, а коли раскольники мало давали, попы могъ имъ всякую пакость подстроить. Ихъ силой обращали въ православіе, ломали ихъ молельни и церкви, и всячески притѣсняли. Раскольники наконецъ не могли терпѣть такого гоненія и бѣжали въ большомъ числѣ за границу. Императрица тогда стала просить ихъ вернуться и обѣщала больше не притѣснять. Раскольники съ дуру и повѣрили, а когда вер-

нулись въ Россію, такъ ихъ стѣснили пуще прежняго.

Попы тѣснили не только раскольниковъ, но и весь православный народъ. Они забыли, что сказано въ Св. Писаніи: „пастырь добрый душу свою за овецъ полагаетъ“, а они на мѣсто того поступали съ прихожанами точно волки лютые. Объ томъ чтобы учить народъ, помогать ему и утѣшать въ бѣдствіяхъ какъ дѣлали апостолы — они и не думали. Забота у нихъ была одна — какъ-бы побольше содрать съ мужика. Приходить однажды къ попу мужикъ и просить похоронить умершаго; попъ запросилъ 50 копѣекъ. Мужикъ былъ бѣдный, и 50 коп. ему взять негдѣ было. „Ну такъ не пойду,“ сказалъ попъ. Тѣло умершаго лежало нѣсколько дней, все загнило, черви въ немъ копошились; въ избѣ смрадъ такой, что сидѣть тамъ невозможно. А попъ все таки не пошелъ, пока мужикъ ему 50 коп. не принесетъ. Таковы были эти пастыри церкви Христовой.

Вотъ какъ плохо жилось народу при великой Екатеринѣ. Притѣсняли его и начальство, и помещики, и попы; брали съ него правдою и неправдою всякіе поборы и притѣсняли свыше мѣры.

Прежде Екатерины, въ Россіи царемъ былъ ее мужъ—Петръ Третій.—Онъ былъ пьяница и глуповатъ таки порядочно; по терпѣть не могъ поповъ и монаховъ. Вотъ, чтобы доѣхать ихъ, онъ и вздумалъ отобрать въ казну всѣхъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ. Какъ прослышали объ этомъ мужики, имъ сейчасъ въ голову пришло, что сжалился надъ ними царь-батюшка, и что вотъ теперь далъ волю монастырскимъ, а потомъ дастъ волю и господскимъ крестьянамъ. Отъ того во многихъ мѣстахъ крестьяне перестали отбывать барщину и платить оброкъ. Однако Петръ Третій вовсе не думалъ давать имъ волю, а послалъ войско, чтобъ усмирять мужиковъ и заставить ихъ по прежнему работать на господъ.

Въ это самое время случилась вотъ какая исторія: Екатеринѣ самой захотѣлось царствовать въ Россіи, она подкупила гвардію и заперла мужа своего въ тюрьму, а сама сдѣлалась императрицей. Петръ Третій черезъ нѣсколько дней умеръ въ тюрьмѣ. Такъ оно и вышло, что крестьянъ усмирили уже при Екатеринѣ; да притомъ она снова отдала монастырскихъ крестьянъ монастырямъ.

Поэтому народъ такъ и вѣрилъ, что госу-

дарь Петръ Третій хотѣлъ будто освободить мужиковъ и уже началъ это дѣло, только дворяне и Екатерина помѣшали ему въ томъ и прогнали его съ престола. Отъ того народъ все не вѣрилъ, что Петръ Третій умеръ. Ходили, правда, слухи, что жена его отравила, да крестьяне считали, что это ужъ вовсе не возможно. Они думали, что Петръ Третій бѣжалъ, скрывается до поры; но что потомъ снова появится, завоюетъ себѣ престолъ—и дастъ волю крестьянамъ—какъ уже разъ, молъ, и хотѣлъ сдѣлать.

Но одинъ разъ являлись разные люди и объявляли себя за императора Петра Третьяго. Такъ въ Воронежѣ одинъ сапожникъ называлъ себя Петромъ Третьимъ. Тоже самое сдѣлалъ черезъ нѣсколько времени бѣглый орловскій солдатъ; а передъ самымъ Пугачевымъ, въ 1772 г. появлялся самозванецъ—казакъ Богомолловъ. Но всѣхъ ихъ скоро усемиряли войскомъ и не давали времени развернуться. А народъ все ждалъ своего освободителя.

Такъ дѣло дошло до 1773 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ 1772 году, въ то самое время, когда на Янкѣ козакѣ бунтовали, въ казанскомъ острогѣ сидѣлъ арестантъ, присужденный къ ссылке въ Сибирь. Лѣтъ ему было тридцать два, ростомъ не высокъ, а очень широкоплечій; волосы и борода черныя, какъ смола, только на бородѣ и сѣдой волосъ показывался. Лицо у него было некрасивое, но очень умное, носъ горбомъ; а глаза такъ и бѣгали по сторонамъ. Хотя онъ былъ и средняго роста, но былъ очень силенъ, а главное — онъ былъ ловкій и бойкій къ тому еще.

Этаго арестанта звали — Емельянъ Ивановъ Пугачовъ.

Въ острогѣ всѣ любили Пугачова, потому что онъ былъ обходителенъ, и съ радостью помогалъ всякому. Совѣтъ ли кому нуженъ — никто лучше Емельяна Иванова не присовѣтуетъ. Деньги ли нужны — и деньги, коли есть, ссудить. За частую Пугачовъ помогалъ людямъ, да въ острогъ въ первый разъ попалъ ни за другое что, какъ за доброту свою. Ну, да объ этомъ рѣчь впереди.

Пугачовъ былъ не жаденъ къ деньгамъ. Случилась у него въ острогъ пропaja: тридцать рублей денегъ пропало. Сталъ онъ искать ихъ, думалъ, что такъ, гдѣ нибудь, завалились; ну, а начальникъ тамъ какой то увидѣлъ и спрашиваетъ: „чего, молъ, ищешь“. Пугачовъ и говорить, что деньги у него пропали. Начальникъ сейчасъ же сталъ обыскивать арестантовъ, хотя объ этомъ никто его не просилъ. Видитъ Пугачовъ, что попадется пожалуй кто нибудь изъ товарищей—и говорить: „не ищите, ваше благородіе, я уже отыскалъ свои деньги.“ Послѣ того онъ сказывалъ товарищамъ: „пусть, говорить, лучше деньги пропадаютъ, чѣмъ изъ за нихъ человѣку гибнуть. Онъ теперь поди самъ кается, что укралъ. Господь съ нимъ; я эти деньги за милостыню считаю.“ Послѣ этого товарищи еще больше полюбили Пугачова.

Кто же такой былъ Пугачовъ, и за что же онъ попалъ въ острогъ? Кажется, онъ и свое-то все радъ былъ другому отдать, а не то, что кого нибудь ограбить, или обокрасть. Какое же такое преступленіе онъ сдѣлалъ? Ну, вотъ мы теперь все это подъ рядъ и расскажемъ.

Емельянъ Ивановъ Пугачовъ былъ родомъ донской казакъ, Зимовейской станицы. Десят-

надцати лѣтъ отъ роду онъ женился на казачкѣ Недюжевой, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже привелось ему идти въ походъ. Въ это время русскіе воевали съ пруссаками—за то, что прусскій король посмѣлся за глаза надъ русской императрицей! Вотъ за это довелось и Пугачову воевать. Ну, Пугачовъ хоть и былъ еще молодъ, а сѣумѣлъ службу свою справлять хорошо, и заслужилъ отъ начальниковъ похвалу. Онъ былъ очень смѣтливъ и любопытенъ: все ему хотѣлось узнать; онъ учился изъ пушекъ стрѣлять, смотрѣлъ, какъ ведутъ осаду крѣпостей, какъ работаютъ при этомъ инженеръ. Все замѣтилъ Пугачовъ, и потомъ пригодилась ему эта наука.

Много и худаго увидалъ Пугачовъ; увидѣлъ онъ, какъ начальники обходятся съ солдатами, какъ они ихъ обкрадываютъ, какъ они ихъ за скотовъ считаютъ. Можетъ статься, впервой тутъ и понялъ молодой казакъ, что не совсѣмъ то ладно живется на свѣтѣ.

Черезъ годъ произошло замѣреніе. Казаки воротились и четыре года Пугачовъ прожилъ послѣ того со своей женой. А черезъ четыре года казаковъ опять погнали, на этотъ разъ въ Польшу. Погнали ихъ вотъ за какимъ дѣломъ. Какъ раскольникамъ не стало житья въ Россіи,

такъ они бѣжали во множествѣ за русскую границу, въ разныя царства. Бѣжали и въ Польшу. А въ это время Польша была уже очень слабымъ царствомъ и Екатерина дѣлала тамъ, что хотѣла, почти какъ въ своемъ собственномъ царствѣ. Такъ вотъ она и послала войско въ Польшу, чтобы ловить этихъ бѣглыхъ раскольниковъ и обращать ихъ обратно въ Россію.

Тутъ еще больше насмотрѣлся Пугачовъ, каково притѣсненіе начальства. Раскольниковъ выгоняли изъ ихъ слободъ, обирали до чиста, мучили всячески и гнали въ Россію. Много тутъ было пролито слезъ и крови, всячески проклинали раскольники — звѣря императрицу. Сердце болѣло отъ такого горя.

Между тѣмъ началась война съ турками, и четыре казачьихъ полка погнало туда; въ числѣ прочихъ пошелъ въ Турцію и Пугачовъ. Здѣсь Емельянъ Ивановъ отличился, получилъ первый чинъ — хорунжаго; да за то его такъ изранили, что онъ сдѣлался негоденъ къ службѣ, и его отправили лечиться на родину. Такъ вотъ онъ опять воротился на свой тихій Донъ.

Только не радостныя вѣсти услыхалъ онъ на своей родной сторонкѣ. Казаки рассказали ему, что царица начинаетъ шибко тѣснить ихъ,

хочетъ уничтожить казацкую волю и назначаетъ всякое начальство; ходили слухи, что вольныхъ казаковъ хотятъ въ солдаты поворотить. Казаки ронтали промежъ себя, и многіе изъ нихъ бѣжали съ Дону. Сильно опечалили Пугачова такія вѣсти.

Одинъ разъ приходятъ къ нему нѣсколько казаковъ, въ томъ числѣ и его зять. Они объяснили Пугачову, что имъ не въ могоу больше сносить притѣсненія начальства, и что они порѣшили бѣжать въ Турцію. Пугачова, какъ человека бывалаго, они просили рассказать имъ туда дорогу. Пугачовъ посоветовалъ имъ лучше бѣжать на Терекъ.—Рѣка Терекъ течетъ у самыхъ кавказскихъ горъ, и въ то время по обѣе стороны шли дремучіе, непроходимые лѣса. Въ этихъ лѣсахъ—по Тереку и жило множество бѣглыхъ казаковъ и крестьянъ; они съ радостью принимали всѣхъ, кто искалъ у нихъ притона, и никого не выдавали никогда. ▲ Взять ихъ силой начальство не могло, потому что до Терека было мудрено добратся. Пугачовъ все это растолковалъ казакамъ и разъяснилъ имъ дорогу, какъ и куда идти. Тогда они стали просить, чтобъ онъ ихъ ужъ кстати и черезъ Донъ переправилъ въ степь. Во то время очень

трудно было найти перевозчика, потому что начальство, чтобы крѣпостные не бѣжали отъ помещиковъ, подъ страхомъ смертной казни запретило перевозить черезъ Донъ безъ разрѣшенія начальства. Однако Пугачовъ согласился помочь казакамъ и просилъ только, въ случаѣ чего, не сказывать, кто ихъ перевозилъ. Казаки, конечно, обѣщали. Тогда Пугачовъ перевезъ ихъ еще и разъ, растолковалъ дорогу, и вернулся домой.

Поѣхали казаки, да только до Терека не доѣхали. Сбились съ дороги, проплутали нѣсколько дней въ степи, и наконецъ ихъ поймали. Ихъ сейчасъ представили начальству и стали допытывать, кто ихъ черезъ Донъ перевезъ. А тогда допрашивали не по нѣшнему: коли кто не признавался въ чемъ, его били кнутомъ до тѣхъ поръ, пока не скажетъ всего, что требуется. Начали истязать казаковъ. Они не признавались. Только одинъ, зять Пугачова, не выдержалъ мученья и повинился. Разсказалъ, что ихъ перевезъ Пугачовъ. Тогда въ Зимовейскую станицу послали сейчасъ приказаніе забрать Пугачова, и представить его по начальству, въ городъ Черкасскъ. Послѣ такого приказанія, станичный атаманъ — волей неволей — долженъ былъ

забрать Пугачова и отправить его. Но Пугачовъ съ дороги бѣжалъ...

И вотъ Пугачова лишили, стало быть семьи, родной избы, и долженъ былъ онъ скрываться отъ погони, переходя съ мѣста на мѣсто, какъ бродяга. И за что же это? Только за то что помогъ товарищамъ. Досадно ему стало. „Какое такое преступленіе я сдѣлалъ, думалъ онъ, за что они гонять меня, словно дикаго звѣря? Жилъ я весь вѣкъ честно, за это самое начальство на войнѣ мучился, да здоровье потерялъ. Такъ вотъ какъ награждаетъ царица своихъ слугъ. Ладно, нечего сказать.“

Когда онъ шатался по деревнямъ и по селамъ русскимъ, онъ увидалъ, какъ бѣдствуетъ мужикъ, какъ его начальство жметъ, какъ его помѣщикъ обираетъ. Увидалъ онъ, что всему вина начальство, богатые люди, да помѣщики, что они и его, честнаго казака, бродягою сдѣлали. И запало ему въ сердце злоба на всю эту жадную, злую ораву, притѣснителей народа...

Случилось ему какъ-то зайти разъ въ Черниговскую губернію, въ мѣстечко Добрявку, не подалеко отъ польской границы. Здѣсь повстрѣчался ему одинъ купецъ, раскольникъ. Кожевниковъ по имени. А раскольники въ то время сами

были въ гоненіи, понимали, какъ это сладко, и потому помогали, по мѣрѣ силъ, всякому, кого начальство преслѣдовало. Кожевниковъ принялъ Пугачова къ себѣ въ домъ, и говоритъ: „живи сколько хочешь, только съ осторожностью, чтобъ начальство не запримѣтило.“ Такъ Пугачовъ и сталъ жить у добраго человѣка. Здѣсь онъ встрѣтилъ еще одного бѣглаго солдата, Алексѣя Семенова—онъ бѣжалъ отъ офицеровъ—мучителей и тоже скрывался и жилъ у Кожевникова.

Частенько они втроемъ толковали, что плохое модъ нынче житье стало. Пугачовъ рассказывалъ, какъ притѣсняютъ казаковъ. Кожевниковъ—какое на раскольниковъ идетъ гоненіе; Семеновъ про солдатское житье рассказывалъ.

Вернулся разъ Кожевниковъ со своей торговли, и говоритъ, что молва идетъ, что на Яикѣ бунтъ, что козаки, говорятъ, убили своего генерала Траубенберга; что противъ нихъ войско отправлено. Однако чѣмъ дѣло кончится—не извѣстно.

„Вотъ, говоритъ Кожевниковъ, если бы ты, Емельянъ Ивановичъ, пошелъ бы на Яикъ, да уговорилъ казаковъ бѣжать въ Турцію. Яицкіе казаки всѣ старой вѣры, такъ и насъ бы съ собой захватили.. А то вѣдь житья нѣтъ пра-

вославленнымъ отъ гоненій. Я знаю, многіе бы съ радостью бѣжали, да однимъ опасно. Вотъ если бы Яицкіе казаки согласились вмѣстѣ бѣжать, тогда бы это ловко можно обстроить. Мы бы, кунцы, и денегъ на проѣздъ дали, сколько потребуется. Хоть двѣсти тысячъ рублей.“

— „То ли еще можно сдѣлать, сказалъ Семеновъ. Ты вотъ, Емельянъ Ивановичъ, очень схожъ лицомъ съ покойнымъ императоромъ Петромъ Третьимъ; я его видывалъ въ Питерѣ, такъ ужъ знаю. Вотъ бы тебѣ объявиться императоромъ. Всѣ съ радостью пойдутъ за тобой, потому что уже терпѣнія не хватаетъ мужику. И сами бы пожили, да и православныхъ бы изъ бѣды выручили.“

Запали въ душу Пугачову эти самыя слова. Потолковали они межъ собой и порѣшили, чтобъ Пугачеву ѣхать и звать съ собой казаковъ въ Турцію, а коли можно, то и императоромъ объявиться. Но для этого нужно было поѣздить по Руси, повысмотрѣть, что народъ думаетъ, а бѣглому высматривать не съ руки. Вотъ Пугачовъ и задумалъ перемѣнить свое званіе, чтобы жить, не скрываясь. Это сдѣлать было не трудно. Раскольниковъ, коли они выходили изъ Польши назадъ въ Россію, тогда принимали безо-всякихъ

справокъ, выдавали имъ паспортъ, и позволяли сидѣться, гдѣ захотятъ. Потому Кожевниковъ и направилъ Пугачова въ Польшу. У раскольниковъ тогда вездѣ были вѣрные люди. На самой на границѣ жилъ одинъ старовѣръ, Коровка; укрывались у него бѣглецы и онъ переправлялъ ихъ за границу. Къ нему и направилъ Кожевниковъ Пугачова. Коровка переправилъ его за границу, а черезъ нѣсколько времени Пугачовъ ужъ открыто заявился русскимъ пограничнымъ чиновникамъ на границѣ и объявилъ себя польскимъ старовѣромъ.

„Такъ и такъ, желаю, молъ, возвратиться въ Россію, а поселиться желаю на Иргизахъ.“ Начальство ему сейчасъ выдало видъ, и Пугачовъ могъ уже, значитъ, жить, не скрываясь. Онъ даже имени не перемѣнилъ, а такъ и по новымъ бумагамъ остался Емельяномъ Ивановымъ.

На рѣкѣ Иргизѣ, (она въ Волгу впадаетъ), какъ разъ по срединѣ между Самарой и Саратовымъ, было въ то время нѣсколько раскольниковыхъ скитовъ — монастырей. Вокругъ монастырей стояло нѣсколько селъ и деревень; въ нихъ жили тоже раскольники. Тутъ на Иргизахъ и былъ главный раскольникій притонъ; сюда со всѣхъ сторонъ они сходились, иные для

богомолья, а многіе для того, чтобы укрыться отъ начальства. Сюда отправился и Пугачовъ, потому что Яицкое войско было о боекъ съ Иргизами.

Кожевниковъ далъ ему письмо къ знакомымъ старовѣрамъ, и Пугачовъ сразу нашелъ себѣ пріютъ. Жилъ онъ сначала у монаха Филарета, потомъ перешелъ къ другому раскольнику, Василю Косому.

Толкаясь межъ людьми, Пугачовъ слушалъ, что они говорятъ, чѣмъ недовольны. Однажды отправился онъ въ слободу Мечетную, будто бы рыбу продавать. На рынокѣ народъ толковалъ про усмиреніе Яицкаго войска, — про то, какъ генераль Фрейманъ рѣзалъ казакамъ уши, вѣшалъ ихъ, да въ тюрьмы сажалъ. Многіе говорили, что такъ жить невозможно, что этакъ никакого терпѣнія не хватитъ...

Слушалъ это Пугачовъ и сталъ со знакомыми казаками такія рѣчи вести:

„Больно уже народъ нынче терпѣливъ сталъ, въ прежнее время не такъ было. Вотъ у насъ, на Дону... Тоже было вздумали въ старое время какъ то казаковъ притѣснять. А былъ у насъ въ тѣ поры удалой казакъ, Некрасовъ. Вотъ Некрасовъ и говоритъ:

„Атаманы молодцы, не хочет насъ царь жаловать, не уважаетъ онъ славныхъ казаковъ. Уйдемте, братцы, въ Турцію; султанъ насъ съ радостью приметъ, удалые казаки вездѣ свое счастье сыщутъ.

„Ну и ушли. Султанъ имъ землю отвелъ, льготы разныя далъ. Такъ и по сейчасъ живутъ свободно, безъ прижимки. Вотъ и теперь бы также надо сдѣлать.“ Казаки отвѣчаютъ ему, что это на дѣло похоже, что точно слѣдуетъ уйти, да куда только идти? Пугачовъ и говоритъ, что можно уйти на Лабу рѣку, что у него есть и деньги на дорогу, двѣсти тысячъ рублей, только надо будетъ съ собой старовѣровъ забрать, кто захочетъ.

Отправился онъ послѣ того домой; а по Мечетной и пошли разговоры объ томъ, чтобы бѣжать на Лабу, слухъ и дошелъ до начальства. Начальство сейчасъ стало слѣдствіе производить; забрали множество народу въ Мечетной, стали ихъ кнутомъ бить и пытать, кто дѣлу зачинщикъ, кто смущалъ народъ. Которые и не вытерпѣли кнута и признались, что смущалъ ихъ Пугачовъ. Тогда забрали и Пугачова. Онъ не признавался. Стали его бить кнутомъ; но сколько ни истязали его, онъ не винился, — не таковъ

челокѣкъ. Тогда начальство само составило фальшивую бумагу, что будто бы онъ признался и отравило его за то, что народъ бунтовалъ, въ Казань, въ острогъ, а оттуда велѣло препроводить въ Сибирь. Вотъ какъ поналъ Пугачовъ въ казанскій острогъ.

Идти въ Сибирь Пугачову не было охоты, да и бѣжать въ Турцію онъ отдумалъ. Скитаясь по Руси, онъ слышалъ вездѣ жалобы на тяжкія притѣсненія помѣщиковъ и начальниковъ; онъ видѣлъ, что народъ готовъ подняться на своихъ утѣснителей, бываетъ даже и подымается, да толку изъ этого не выходитъ, потому что села поднимаются въ одиночку, а не вся Русь. Пугачовъ и задумалъ поднять ее, рѣшился отомстить за народъ, отомстить и свои обиды, освободить народъ изъ неволи. А не удастся, такъ хоть проучить малость господъ дворянъ, да начальниковъ. Онъ задумалъ „тряхнуть Москвою.“

Крестьяне тѣмъ временемъ не вѣрили, что Петръ Третій померъ, они думали, что онъ живъ, что онъ опять вернется на царство и поможетъ имъ. Бывали даже не разъ самозванцы, назывались Петрами, но имъ все какъ то не удавалось. Пугачовъ думалъ, что сѣумѣетъ лучше повести это дѣло, и рѣшился назваться императоромъ

Петромъ Третьимъ. Время было для этого самое подходящее; лучше нельзя и желать: Екатерина вела тяжелую войну съ Турціей и Польшей; войска большою частью ушли за границу. Стало быть бунтъ усмирять будетъ нечѣмъ. Народъ разорялся отъ податей и рекрутчины и готовъ былъ взбунтоваться. На Дону и на Микѣ казаки были недовольны притѣсненіями царскими. Однимъ словомъ, все одно къ одному подошло, чтобы бунтъ вышелъ удачный.

Надо думать, самъ Пугачовъ мало полагался на успѣхъ. Только что жъ, если бунтъ выйдетъ и неудаченъ? Развѣ не успѣетъ за это время народъ отомстить свои обиды, развѣ не истребитъ онъ множество „собачьяго рода“ — дворянъ? Хоть минуту, да поживетъ народъ на всей своей волѣ, и докажетъ своимъ врагамъ, что русскіе мужики не стадо барановъ, а люди вольные, и умѣютъ жестоко отплачивать своимъ притѣснителямъ. Надо было хоть острастку на будущее время задать. Изъ за этого одного, стоить потрудиться, за такую потѣху, за такую острастку не жалъ и голову сложить. По крайности проживешь со славою, умрешь съ честью и оставишь по себѣ память въ честномъ народѣ. Можетъ быть, кто нибудь черезъ много лѣтъ, услыхавши

разсказъ, самъ почувствуетъ силу, тоже дѣло начнетъ, да подумавши, отчего первый бунтъ не задался, напередъ уже лучше дѣло поведетъ. По всему видно, что такъ разсуждалъ Пугачовъ, замышляя въ казанскомъ острогѣ начать бой на смерть съ великою русскою государыней, которой боялись сильнѣйшіе короли.

Стало быть, Пугачову надо было бѣжать изъ острога. Его друзья, раскольники, написали въ Казань одному тамошнему купцу, Щелокову, чтобы онъ позаботился объ Емельянѣ. Щелоковъ нѣсколько разъ навѣщалъ его въ острогѣ и ссудилъ деньгами. Но Пугачовъ съумѣлъ бѣжать и безъ его помощи.

Между острожными солдатами онъ намѣтилъ одного малоросса. Этотъ малороссъ питалъ страшную злобу на русское правительство. Малороссовъ тогда еще недавно только лишили ихъ воли и они еще не забыли о ней. Солдатъ малороссъ, намѣченный Пугачовымъ, питалъ ненависть къ Екатеринѣ за то, что она закабалила вольный казацкій народъ. Пугачовъ сдружился съ этимъ малороссомъ и подговорилъ его бѣжать вмѣстѣ. А кромѣ того былъ еще въ острогѣ одинъ раскольникъ, Дружининъ. Онъ тоже согласился бѣжать.

Побѣгъ свой они согласились устроить такъ : У Дружинина былъ въ Казани сынъ. Дружининъ приказалъ ему быть въ такомъ то мѣстѣ, въ такой то день, съ повозкой; а самъ въ этотъ же день, вмѣстѣ съ Пугачовымъ, отпросился у осторожнаго начальства милостыню собирать по городу. Въ провожатые имъ дали двухъ солдатъ: малоросса, что съ ними бѣжать согласился, да еще другаго. Въ городѣ они напоили допьяна этого другаго солдата и пошли будто домой, въ острогъ. По дорогѣ встрѣтили, будто нечаянно, сына Дружинина съ повозкой. Вотъ Пугачовъ и сталъ для вида просить его : „Подвези, молю, насъ до острога.“ — „Ладно, отвѣчаетъ, отчего не подвезти. По нятаку съ рыла дадите?“ — „Можно,“ отвѣчаетъ Пугачовъ. Усѣлись они вмѣстѣ съ солдатами въ повозку и поѣхали, да не въ острогъ, а изъ города. А какъ выѣхали за городъ, на поле, Арскимъ называется, Пугачовъ и говоритъ пьяному солдату: „Ну, братъ, мы далѣе ѣхать думаемъ, а тебѣ пора и въ острогъ ворочаться. Вылѣзай.“ Тотъ и глаза выпучилъ: „Что такое, ребята?“ — Однако они высадили его изъ повозки. „Счастливо, молю, оставаться, кланяйся въ острогъ нашимъ товарищамъ. Спасибо за проводы.“

Ударили по лошадямъ; только и видѣлъ ихъ солдатъ.

Нѣсколько времени они ѣхали съ солдатомъ и Дружининымъ; а потомъ повстрѣчалъ Пугачовъ своего товарища одного, Кандалинцева; онъ ѣхалъ на Иргизы. Это было по дорогѣ на Яикъ, а потому Пугачовъ отправился уже съ Кандалинцевымъ; только на Иргизы онъ уже не поѣхалъ, а прямо на Яикъ и поселился у знакомаго казака, по прозванію — Еремкинъ Курица.

Еремкинъ Курица жилъ въ степи на хуторѣ. Мѣсто было пустынное, у него и скрывалось много яцкихъ казаковъ. Въ это время генераль Фрейманъ только что усмирилъ казаковъ и всячески казнилъ ихъ; а тѣхъ, кто грабилъ домъ Траубенберга, обложилъ большими штрафами. Этихъ денегъ казакамъ взять было негдѣ, а потому множество казаковъ бѣжало и скрывалось по разнымъ мѣстамъ. — Вотъ и къ Еремкину Курицѣ многіе пришли. Горько жаловались казаки на свою долю.

„Жили мы, говорятъ, тихо, мирно, въ довольствѣ. Никого, кажется, не обижали, никакого зла не дѣлали. Съ чего же это царица нашему счастью позавидовала, зачѣмъ она понасылала къ намъ этихъ грабителей начальниковъ? Стали

они насъ давить да обирать... Развѣ можно это терпѣть? Вѣдь мы долго добромъ просили Траубенберга по справедливости поступать. Какъ же его не убить: собакѣ и смерть собачья! А теперь за этого подлаго нѣмца сколько казаковъ погибло; да и мы сами куда не пойманы, по тѣхъ поръ и цѣлы. А изловятъ, такъ тоже не миновать острога либо Сибири. Горькая доля наша: некому за насъ заступиться. Остается только бѣжать изъ родимой стороны отъ злой царицы. Да и бѣжать то некуда!~ Пугачовъ слушалъ эти рѣчи и видитъ, что поднять казаковъ на бунтъ не трудно. Поэтому онъ объявилъ Еремкину Курицѣ и нѣсколькимъ казакамъ, что, молъ, „Я императоръ Петръ Третій; моя жена возмущилась противъ меня, хотѣла убить меня, но я спасся бѣгствомъ. Долгое время скрывался я по разнымъ мѣстамъ и видѣлъ, что вездѣ народъ обиженъ начальствомъ и дворянами, и поэтому рѣшился опять взойти на царство, чтобы помочь народу. Не пришло мнѣ еще время, но, коли казаки поддержать меня, то попытаюсь, пожалуй. И когда добуду свой престолъ, то награжу и удовлетворю всѣхъ обиженныхъ, а притѣснителей накажу лютою казнью.“

Казаки этому разсказу не болѣе повѣрили;

однако сказали, что подумаютъ. Черезъ нѣсколь-
ко времени казакъ Короваевъ пріѣхалъ къ Пу-
гачову и сказалъ, что нѣсколько казаковъ
желаютъ его видѣть и ждуть его въ степи.
Пугачовъ поѣхалъ: въ степи его ждалъ одинъ
Шигаевъ, тотъ самый, что въ бунтъ противъ
Траубенберга дѣйствовалъ. Только, какъ они
стали рассказывать, ахъ ѣдетъ Мясниковъ и
Чика.

„Это люди ненадежныя, говоритъ Шигаевъ,
особенно Чика; ты спрячься.“

Пугачовъ спрятался. Чика съ Мясниковымъ
подѣхали и спрашиваютъ:

„Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“

— Звѣря бить — говоритъ Короваевъ. Засмѣ-
ялся Чика:

„Не звѣря бить, говоритъ, а людей обманы-
вать пріѣхали вы. Кажи намъ государя!“

Нечего дѣлать: Пугачовъ вылезъ. Однако
Чика и Мясниковъ, хоть и не вѣрили, что
Пугачовъ императоръ, а все же согласились
признать его. По малу стали приставать къ нимъ
и другіе казаки. Они порѣшили ѣхать по ста-
нцамъ и хуторамъ, вездѣ объявлять о появле-
ніи императора, который, молъ, хочетъ всту-
питься за народъ...

Пугачовъ же перебрался на хуторъ къ Кожевникову; имъ привезли сюда матеріи разноцвѣтной и они начали дѣлать знамена и значки. Самому Пугачову привезли кафтанъ зеленый, шапку и весь нарядъ, новый и хорошій.

Казаки по всѣмъ мѣстамъ приняли съ радостью вѣсть объ Петрѣ Третьемъ. Многіе изъ нихъ не вѣрили, что Пугачовъ въправду императоръ, но все таки соглашались идти за нимъ. Число заговорщиковъ шибко увеличивалось.

Однако слухи о появленіи императора дошли и до начальства. Оно переполошилось, стало разыскивать самозванца; такъ что Пугачовъ перебрался отъ Кожевникова въ самое глухое мѣсто, на рѣку Усиху. Тогда Симоновъ, начальникъ Яицкаго городка, началъ хватать всѣхъ, кто говорилъ объ императорѣ, началъ пытать ихъ... Забралъ между прочимъ брата Кожевникова. Такимъ образомъ въ скорости Симоновъ разузналъ, что самозванецъ — Пугачовъ; узналъ даже, что онъ живетъ на Усихѣ. Тогда на Усиху сейчасъ же онъ отправилъ отрядъ войска, чтобы схватить Пугачева.

Пугачовъ съ казаками думали начать бунтъ послѣ Покрова когда начнется плавня. А плавнею у яицкихъ казаковъ называется ловъ рыбы.

Два раза въ годъ рыба поднимается изъ моря вверхъ по рѣкѣ; въ это время всѣ казаки выходятъ на ловлю; каждой станицѣ (деревнѣ) назначается особый участокъ на рѣкѣ, и станица ловить рыбу сообща, а потомъ рыба дѣлится по ровну между всѣми жителями; даже старикамъ и вдовамъ даютъ долю, хотя въ ловлѣ они и не участвуютъ.

Во время плавни всѣ казаки собираются на берегахъ Яика. Вотъ Пугачовъ и думалъ объявиться въ это время, возмутить казаковъ, схватить старшинъ... Но когда начальство послало войско на Усеху, то ,значить, ждать плавни уже было не съ руки. Рѣшено было сейчасъ же начать бунтъ. „Коли наберется человекъ двадцать, сказалъ Чика, такъ думать долго нечего. Идемъ со славою на Яицкій городокъ.“ — Такъ и порѣшили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Восемнадцатаго Сентября 1773 года партія не людная бунтовщиковъ выступила съ Успехи. Казаковъ было только 20 человекъ; все они были на коняхъ. Впереди ѣхалъ Пугачовъ въ зеленомъ кафтанѣ, на бойкой лошади. Восемь цвѣтныхъ значковъ было насажено на казачьихъ копьяхъ; позади Пугачова конный казакъ везъ большое бѣлое знамя съ краснымъ осьмиконечнымъ крестомъ. Они держали путь по направленію къ Яицкому городку.

По пути лежалъ Кожихаровъ форпостъ. Въ то время на границѣ Киргизскихъ степей было множество маленькихъ укрѣпленій. Эти укрѣпленія часто состояли только изъ высокаго плетня и рва; въ каждомъ укрѣпленіи было нѣсколько десятковъ казаковъ и одна либо двѣ пушки. Эти городки назывались форпостами; они должны были защищать Россію отъ набѣговъ татарскихъ ордъ. Вотъ къ одному изъ такихъ форпостовъ, Кожихарову, приближался теперь Пугачовъ со своими товарищами.

Пугачовъ приказалъ своему писарю, Почта-лину, написать манифестъ и отослалъ онъ его на форпостъ: — „Божіею милостію, говорилось въ манифестѣ, Мы, Петръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и пр и пр. симиъ объявляемъ во всенародное извѣстіе, что, спасшись чудеснымъ образомъ отъ смерти, и видя всеобщее народа утѣсненіе и разореніе, и отъ дворянъ угнетеніе, вознамѣрились Мы возвратить Себѣ Престолъ предковъ Нашихъ и даровать Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ всѣ льготы казацкія и крестьянскія. Вѣрныхъ Нашихъ казаковъ жалуетъ Мы, Великій Государь, крестомъ, бородой, рѣками и землями и рыбными ловлями; порохомъ и пулями, и всякимъ оружіемъ казацкимъ, беспошлинной солью и вѣчною волею.

Любезныхъ Нашихъ подданныхъ, всероссійскихъ крестьянъ, жалуетъ Мы землею и волею, освобождаемъ ихъ отъ крѣпости, освобождаемъ ихъ на девять лѣтъ отъ рекрутчины, уменьшаемъ подати до трехъ копѣекъ съ души. Подданнымъ же Нашимъ, дворянамъ и помѣщикамъ, объявляемъ Мы, Великій Государь Всероссійскій, что они прогнѣвали Насъ своими неправдами и народнымъ разореніемъ; приказываемъ имъ

возвратить всѣ земли крестьянамъ, а крестьянъ отпустить на волю и никакихъ поборовъ съ нихъ впредь не имѣть. Буде же ели, невѣрные дворяне, Нашего Царскаго Указа не послушаютъ и Нашей непремѣнной воли не исполнять, то предадимъ ихъ всякимъ мукамъ, и лютой казни. А кто отъ неправды своей откажется, тѣхъ жалуетъ Мы службой у Насъ, Великаго Государя. Супругъ же нашей, яко осмѣлившейся свергнуть Насъ, Великаго Государя, и покусившейся на жизнь Нашу, объявляемъ Наше приказаніе — оставить престолъ Всероссійскій и постричься въ монахини. Буде же она сего не исполнитъ, то ждаты ей великаго гнѣва и наказанья Нашего.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, чтобы по прочтеніи сего Нашего Манифеста, они шли въ Наше Царское войско; а жалованія даемъ имъ 4 рубля въ мѣсяць. А кто въ Наше Царское войско не пойдетъ, тѣмъ приказываемъ отбирать земли у помѣщиковъ, искоренять дворянъ и начальниковъ и устанавливать всякій добрый порядокъ. Въ удостовѣреніи чего Мы, Великій Государь, Петръ Третій, къ сему указу руку приложили.“

Такой манифестъ былъ посланъ на Кожиха-

ровъ форпостъ, а также въ другія мѣста. Черезъ нѣсколько часовъ, изъ разныхъ мѣстъ присоеди-
нились къ „арміи“ Пугачова еще до 120 чело-
вѣкъ.

Тѣмъ временемъ подошли къ Яицкому город-
ку. Крѣпостью командовалъ Симоновъ, человекъ
храбрый и распорядительный. Завидѣвъ городъ,
Пугачовъ велѣлъ своему войску выстроиться въ
одну линію, въ рядъ, чтобы ихъ больше каза-
лось. Знамена развернули, и пугачовцы стали
стройно подходить къ городу.

Симоновъ уже зналъ, что идетъ Пугачовъ и
выслалъ ему на встрѣчу до трехъ тысячъ каза-
ковъ; а на мосту, по которому приходилось
идти въ городъ, Симоновъ поставилъ солдатъ и
нѣсколько пушекъ. Пугачовцы смѣло двинулись
впередъ; два казака поскакали въ городъ съ
манифестомъ...

Между тѣмъ казаки, которыхъ выслалъ Симо-
новъ, стали переходить къ Пугачову. Симоновъ
не зналъ, что ему дѣлать. Выйти противъ бун-
товщиковъ; тогда взбунтуются жители въ городѣ.
Поэтому онъ отослалъ обратно въ городъ каза-
ковъ, и солдатъ, и пушки; по всѣмъ улицамъ
караулы поставилъ: „Пусть, думаетъ, бунтов-
щики, что хотятъ за городомъ дѣлають, а я по

крайней мѣрѣ городъ соблюду, и городскихъ жителей до бунта не доущу.~ Заперся онъ такимъ образомъ въ городъ, а Пугачовъ въ полѣ стоялъ.

Когда казаки отступили, то нѣкоторыхъ изъ нихъ пугачовцы взяли въ плѣнъ. Это были казаки „старшинской руки“; во время бунта противъ Траубенберга, они шли противъ своихъ и держали дорогу начальства. Поэтому теперь ихъ сейчасъ присудили повѣсить.

„Атаманы молодцы! сказалъ Пугачовъ, зачѣмъ понапрасну кровь проливать?“

— Да мы, ваше величество, отвѣчали казаки, крови ихъ не будемъ проливать: мы ихъ повѣсимъ. Они сами казаки, а заступались за измѣнниковъ старшинъ, шли противъ своихъ же братьевъ... Неужто ихъ миловать послѣ этого? Нельзя, ваше воличество.“

— „Пусть они присягу примутъ, будетъ и этого,“ повторилъ Пугачовъ.

— „Мы имъ не вѣримъ.“

-- „Не погрѣшите, атаманы молодцы, да безвинныхъ людей не повѣсьте.“

— „Мы знаемъ, ваше величество, кого казнить, кого миловать они же со старшинами насъ казнили.“ Такъ и повѣсели измѣнниковъ для примѣра прочимъ.

Пугачовъ былъ очень ужъ добрый и жалостливый человекъ; онъ плохо помнилъ зло. Когда слѣдовало кого нибудь повѣсить, Пугачову становилось жаль его, и онъ всегда готовъ былъ помиловать.

Между тѣмъ, постоявши нѣсколько времени, казаки увидѣли, что города имъ не взять, потому что войска тамъ было въ 50 разъ больше, чѣмъ у нихъ. Поэтому они порѣшили сперва забрать форпосты и мелкія крѣпости, набрать побольше народа и потомъ уже идти обратно къ Яицкому городку.

Весь отрядъ направился къ Илецкой Защитѣ. Это была большая станица и крѣпость. По дорогѣ они забирали форпосты и разсылали по разнымъ мѣстамъ манифесты. На Гнилинскомъ форпостѣ наконецъ раздобыли пушку; до этого у нихъ не было ни одной. Не доходя до Гнилинскаго форпоста, казаки обратились къ Пугачову съ такою рѣчью:

— „Мы, ваше величество, признали тебя императоромъ, для того, чтобы освободиться изъ неволи, чтобы всѣ свои права сохранить и новыя получить. Поэтому мы хотимъ, чтобы ты съ нами во всемъ совѣтывался; начальниковъ сво-

ихъ мы тоже будемъ сами выбирать, а не по твоему назначенію.”

— „Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчалъ Пугачовъ, я вашей волѣ не помѣха; затѣмъ и пришелъ, чтобы вамъ волю дать.“

— „Много лѣтъ здравствовать его импера-торскому величеству, справедливому государю,“ -- крикнули казаки, и сейчасъ же собрались въ кругъ, и стали выбирать начальниковъ. Атаманомъ выбрали Овчинникова, полковникомъ Лысова, выбрали также сотниковъ и все, какъ слѣдуетъ. А затѣмъ они отирались дальше, и, когда подошли къ Плецкой Защитѣ, у нихъ уже было 450 человѣкъ войска и нѣсколько пушекъ. Это было 19 сентября, т. е. на другой день.

Начальникомъ Плецкой Защиты былъ атаманъ Портновъ. Пугачовъ отправилъ къ нему Овчинникова съ десятью казаками и требовалъ, чтобы городъ сдался. Овчинниковъ однако въ городъ не вѣхалъ, а остановился по близости; въ городъ же послалъ указъ Пугачова съ двумя казаками. Портновъ указъ прочелъ, но объявилъ, что города не сдастъ. Между тѣмъ жители, прослышавъ, что полученъ указъ Пугачова, собрались къ атаману и требовали, чтобы онъ про-

челъ имъ указъ. Портновъ не согласился прочесть его и приказалъ ломать мостъ на рѣкѣ Яикѣ, чтобы Пугачовъ не могъ перебраться на эту сторону. Однако моста сломать онъ не успѣлъ до ночи, а ночью казаки отворили ворота и выпустили Овчинникова въ городъ. Овчинниковъ сейчасъ же арестовалъ Портнова, и засадилъ его въ тюрьму, а Пугачову далъ знать, что городъ взятъ. Такимъ образомъ десять человѣкъ взяли большой городъ безъ капли крови.

20 сентября Пугачовъ торжественно въѣхалъ въ Плещую Защиту. Толпы народа вышли встрѣчать его; колокола гудѣли, духовенство въ полномъ облаченіи вышло ему на встрѣчу. Выборные поднесли императору хлѣбъ — соль. Онъ ласково благодарилъ жителей, далъ имъ всякія льготы и отправился въ церковь, гдѣ отслужили благодарственный молебенъ, и дьяконъ громко возгласилъ: „Благочестивѣйшаго государя нашего, Петра Федоровича, господи помилуй!“

По окончаніи молебна Пугачовъ разговаривалъ съ жителями, и объявилъ имъ:

„Я пришелъ защитить народъ. Моя жена увлеклась на сторону дворянъ, и я за это, когда возвращусь въ Петербургъ, посажу ее въ мо-

настырь: пущай молится за свои грѣхи. А у бояръ села и деревни отберу; коли хотятъ хлѣбъ ѣсть, пусть трудятся, служатъ; тогда стану жаловать ихъ деньгами.“ Послѣ этого Пугачовъ приказалъ разбить одинъ кабакъ для угощенія народа. А потомъ сталъ спрашивать:

— „Что дѣлать мнѣ, атаманы молодцы, съ пачальникомъ вашимъ Портновымъ?“

— „Повѣсить его надо, ваше величество, потому что онъ всячески обижалъ народъ.“

Императоръ приказалъ Портнова повѣсить, а домъ его отдалъ на разграбленіе жителямъ.

Въ скорости послѣ того войско выступило изъ города; триста человѣкъ жителей присоединилось къ нему; много пушекъ и пороху было забрано въ Илецкой Защитѣ, такъ что войско выступило въ полной исправности. Триста человѣкъ, что присоединились въ Илецкой Защитѣ, составили особый полкъ и сами выбрали себѣ атамана и все начальство.

Много малыхъ крѣпостей вслѣдъ за тѣмъ взялъ Пугачовъ. Дѣло вездѣ при этомъ происходило одинаково. Коменданты — дворяне страшились императора и всѣми силами защищались, потому что знали за собой много грѣховъ, знали, что жители и солдаты ихъ ненавидятъ. А за

то жители вездѣ ждали пугачовцевъ съ радостью, какъ своихъ избавителей, и всегда передавались на ихъ сторону. Затѣмъ, когда крѣпость возьмутъ, жители вѣшали дворянъ — офицеровъ и забирали себѣ ихъ имущество. Оставляли въ живыхъ только тѣхъ, кто хорошо обходился съ народомъ. Вообще жители дѣлали все, что хотѣли; настало царство народа.

Первая, послѣ Плецкой Защиты, была взята Разсыпная крѣпость, комендантъ и еще нѣсколько дворянъ были повѣшены. Жители и солдаты стриглись въ кружокъ по казацки и поступали въ войско Пугачова. Въ то время солдаты носили длинныя косы, точно бабы; ну такъ имъ обрѣзывали эти косы. Затѣмъ, 27 сентября, взята Озерная крѣпость; коменданта повѣсили; здѣсь взято нѣсколько пушекъ. Въ тотъ же день взята крѣпость Татищева. Начальникъ ея, Бировъ, былъ страшно жестокой человѣкъ; жители ненавидѣли его, но и боялись; такъ что когда Пугачовъ приблизился, то ему пришлось встрѣтить самое упорное сопротивленіе. Однако отстояться отъ Пугачова было уже трудно. Войско его увеличилось до трехъ тысячъ человѣкъ. Онъ сталъ брать крѣпость штурмомъ; во время самага разгара битвы, сотникъ Надуровъ со своими казаками передался на

сторону императора. Тогда Пугачовцы вломлись въ крѣпость, Биловъ убить въ самыхъ воротахъ крѣпости, а жители сейчасъ же сдались. Послѣ этого началась расправа. Офицеровъ повѣсили. Жену Билова, такую же зловредную, какъ и онъ самъ, тоже хотѣли повѣсить, да на бѣду она приглянулась Пугачову и онъ приказалъ оставить ее въ живыхъ. Хитрая дворянка замѣтила, что красота ея полюбилась Пугачову и стала ласкаться къ нему и просить, чтобы онъ не убивалъ также и братьевъ ея. Пугачовъ согласился на эту просьбу, но казаки сильно были недовольны:

— „Время ли, говорили они, съ бабами возиться. Эта самая красавица мучила и истязала свою прислугу, а государь жалѣетъ ее, да въ свою палатку взялъ. Хорошій человѣкъ батюшка нашъ, да ужъ очень у него сердце мягкое. Чуть кто заплачется, а особливо баба, онъ сейчасъ и растаетъ. Это не ладно.“

Пугачовъ былъ дѣйствительно слишкомъ жалостливъ. Еще раньше онъ принялъ къ себѣ въ писаря дворянина Андрея Николаева, тоже пожалѣлъ повѣсить. А теперь этотъ же Николаевъ все мутилъ и всячески старался спасти своего брата дворянъ и приближать ихъ къ импера-

тору. Казаки не выдержали и потребовали, чтобы Пугачовъ повѣсилъ Николаева за его штуки. Пугачовъ не соглашался, но тутъ уже казаки вовсе разсердились: „Ты, ваше величество, много что-то сталъ спасать ихъ, этихъ собакъ. Ну, Билова хоть приглянулась тебѣ, а этотъ что?“

И они сами утопили Николаева.

Наконецъ войско императора вышло изъ Озерной. Множество жителей присоединилось къ войску. Въ кибиткѣ Пугачова поѣхала Билова и ея братъ.

Слухъ о томъ, что Озерная крѣпость взята, быстро распространился, и слѣдующая крѣпость Чернорѣчинская сдалась безъ бою. Затѣмъ въ Каргалѣ жители тоже вышли съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Войско увеличивалось все больше и побѣдоносно продолжало свой путь по направленію къ городку Сакмарѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

19 сентября у губернатора Оренбургскаго края, генерала Рейнсдорна, былъ балъ. Комнаты его дома ярко горѣли огнями; музыка гремѣла; офицеры въ чистенькихъ, новенькихъ мундирахъ, съ длинными косами, напудренными въ разные цвѣта, выплясывали съ разряженными въ пухъ и прахъ барынями. Самъ губернаторъ, съ другими чиновными особами, игралъ въ карты. Гости — одни танцовали, другіе разговаривали, жены ихъ угощались разными словами. Все было шумно и весело. Всѣ эти офицеры, чиновники, помѣщики, всѣ эти разряженные барыни веселились, и ужъ никакъ не думали, что уже пришолъ часъ расплатиться за старые грѣхи; они не думали, что тотъ самый сиволапый мужикъ, котораго они и за человѣка то не считали, уже поднялъ топоръ надъ ихъ дворянскими головами... Придетъ день господень, яко тать въ нощи, сказано въ Св. писаніи, бдите поѣтому и молитесь. Но всѣ эти господа спали глубокимъ сномъ. Они разоряли своихъ крестьянъ, пьянствовали и раз-

вратилъ, и страшный День Суда Народнаго засталъ ихъ врасплохъ, захватилъ ихъ съ личнымъ.

Никакихъ такихъ непріятныхъ мыслей не было въ головахъ гостей генерала Рейнедорна. Они весело плясали и разговаривали.

Но вотъ лакей, наряженный словно чучело какое, подходитъ почтительно къ генералу и подаетъ ему пакетъ; на пакетѣ написано „секретно.“ Генералу хотѣлось играть въ карты, онъ торопливо и съ досадою беретъ пакетъ и распечатываетъ его, чтобы поскорѣй прочесть, а потомъ опять приняться за карты. Но едва успѣлъ онъ прочесть нѣсколько строкъ, какъ уже лицо его сдѣлалось озабоченнымъ. Пакетъ этотъ былъ рапортъ Билова, писанный имъ за нѣсколько часовъ до своей смерти. „Честь имѣю донести вашему превосходительству, писалъ онъ, что бѣглый каторжникъ, Емельянъ Шугачовъ, осмѣлившись приять на себя высокое званіе покойнаго императора, по таковому его злодѣйскому умыслу, съ немалою толпою разоряетъ крѣпости, изъ которыхъ многія уже и забралъ, и истребляетъ всѣхъ благороднаго званія людей различными казнями. О чемъ имѣю честь донести вашему превосходительству“ — и т. д.

Задумался генераль. Пакетъ выпалъ изъ рукъ его...

А вокругъ по прежнему шумно и весело. По прежнему идутъ танцы, смѣхъ, шутки, гремитъ музыка. Никому не въ домекъ, что День Господень пришелъ.....

На другой же день генераль Рейнсдорнъ началъ укрѣплять Оренбургъ. По настоящему ему бы слѣдовало выйти съ войскомъ на встрѣчу Пугачову, потому что войска въ Оренбургѣ было довольно; вдвое больше, чѣмъ у Пугачова. Но генераль ужъ слишкомъ перепугался. Все, думаетъ, безопаснѣе укрѣпиться и за стѣнами города ждать грознаго врага. И вотъ на стѣнахъ Оренбурга закипѣла работа. Тысячи рабочихъ, солдатъ, казаковъ и каторжныхъ, день и ночь таскали камни песокъ, глину; починяли и возвышали стѣны, ставили на мѣста пушки, вырубали вокругъ города деревья, чтобъ непріятель не могъ за ними прятаться. А по всѣмъ крѣпостямъ, по всѣмъ городамъ генераль Рейнсдорнъ разослалъ извѣщенія о грозящей опасности. Только не много пользы приносили эти извѣщенія.

Кипитъ работа на стѣнахъ Оренбурга. Вмѣстѣ съ другими арестантами работаетъ каторжникъ Хлопуша. Его лицо обезображено: по при-

говору суда ему вырвали ноздри; его спина исполосована ударами кнута. И работает Хлопуша, а самъ думаетъ крѣпкую думу.

Богъ надѣлилъ Хлопушу разумомъ, волею, силою и здоровьемъ. Онъ могъ бы быть хорошимъ рабочимъ, хорошимъ генераломъ, хорошимъ губернаторомъ. Но онъ родился не дворяниномъ, а мужикомъ, и изъ за этого одного, и разумъ, и сила, все пошло ему только во вредъ: не могъ Хлопуша безъ ропота подчиниться притѣсненію глупаго барина, либо самодура начальника. И пошелъ Хлопуша въ темный боръ съ ружьемъ и ножомъ, жить на всей своей волѣ, очищать карманы богатыхъ людей. Только не долго погулялъ добрый молодецъ, и спознался въ скорости съ тюрьмой, съ кнутомъ палача, раздобылъ себѣ царскую печать на лобъ, и сталъ онъ каторжникомъ со рванными ноздрями.....

Надумалъ Хлопуша свою думу и посылаетъ онъ сказать генералу Рейнсдорну, что „желаю, молъ, сказать ему дѣло очень важное.“

„Ваше превосходительство, сказалъ онъ, отпустите меня въ шайку къ этому злодѣю Пугачову. Я убью его либо возмущу противъ него его толпу. А мяѣ за это выхлопочите прощевіе.“

Обрадовался глупый нѣмецъ, услыхавши такую

рѣчь. Далъ онъ волю Хлопушѣ, далъ ему денегъ и послалъ къ Пугачову; далъ ему также увѣщательныя грамоты къ мятежникамъ и наказалъ разбросать эти грамоты по разнымъ мѣстамъ; наказалъ также генераль Хлопушѣ разузнать сколько силы у Пугачова, а потомъ вернуться въ Оренбургъ.

Въ это время Пугачовъ подходилъ уже къ Сакмарѣ. 1 октября онъ подошелъ къ ней. Жители толпою вышли встрѣчать императора, и многіе пошли въ его войско. Какъ разъ въ это время прибылъ въ Сакмару и Хлопуша. Онъ сейчасъ же заявился къ Пугачову, подалъ ему всѣ указы Рейнсдорна и говоритъ: — „Ваше величество, генераль Рейсдорнъ прислалъ меня, чтобы я убилъ васъ или ваше войско противъ васъ возмутилъ. Вотъ и грамоты для того далъ мнѣ, чтобы разбросать ихъ по всему лагерю. Только никогда не пойду я противъ народа за злодѣевъ-дворянъ, и готовъ служить вашему царскому величеству до послѣдней даже капли крови.“

И разсказалъ онъ тутъ Пугачову все, что дѣлается въ Оренбургѣ, сколько тамъ войска, сколько пушекъ и все, какъ слѣдуетъ. Поблагодарилъ Пугачовъ Хлопушу, а указы Рейнсдорна

бросить въ печь. Такимъ образомъ, значитъ, нѣмецкая хитрость на этотъ разъ не выгорѣла, а Хлопуша остался при войскѣ и сослужилъ еще службу русскому народу. Не разъ жалѣлъ послѣ того Рейнсдорнъ, что выпустилъ изъ рукъ такую важную птицу.

Забравши Сакмару, Пугачовъ двинулъ свое войско къ Оренбургу. 5 октября онъ вступилъ въ слободу Берду, въ 7 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь Пугачовъ и сталъ лагеремъ.

Окруживши городъ со всѣхъ сторонъ, Пугачовъ повелъ свои войска на приступъ. Сперва онъ приказалъ стрѣлять по городу изъ тридцати пушекъ, а потомъ войско его бросилось къ стѣнамъ, приставляло къ нимъ лѣстницы и старалось взобраться. Но Оренбургъ взять было не легко. Стѣны его были высокія и толстыя. Трудно ихъ было ядрами разбить, не легко и взобраться. А войска въ Оренбургѣ было больше чѣмъ у Пугачова. Потому императоръ, увидавши, что люди только гибнутъ понапрасну, а города взять никакимъ способомъ не могутъ, приказалъ отступить.

Тогда Рейнсдорнъ расхрабрился; онъ вообразилъ, что истребить Пугачова въ конецъ, и погнался съ войскомъ за отступающими. Пуга-

човъ сперва заманилъ ихъ подальше отъ города, а потомъ остановилъ свое войско и такъ разбилъ Оренбургскихъ, что они закаялись впередъ выходить изъ города.

„Не стану тратить людей, сказалъ послѣ этого Пугачовъ, а возьму городъ голодомъ.“ И сталъ онъ окружать мало по малу городъ, занялъ всѣ дороги, чтобы ни входу, ни выходу не было, чтобъ нельзя было провозить въ городъ никакихъ припасовъ. А по возвышеннымъ мѣстамъ устроилъ окопы, поставилъ на нихъ пушки и началъ обстрѣливать городъ. Окопы Пугачовъ строилъ очень ловко; не даромъ въ прусскомъ походѣ обучался. Рейнсдорнъ писалъ одному своему пріятелю: „Батареи Пугачова устроены такъ хорошо, что самъ Вобанъ не сдѣлалъ бы лучше.“ А Вобанъ былъ знаменитый французскій инженеръ.

Увидавши, что Пугачовъ вовсе стѣснилъ городъ, Рейнсдорнъ рѣшился еще разъ выйти въ чистое поле; собралъ онъ на этотъ разъ двѣ тысячи человекъ и нѣсколько пушекъ, и пошелъ. Но Пугачовъ опять побилъ его, отнялъ всѣ его пушки, и побилъ солдатъ больше трехъ-сотъ человекъ; остальные еле успѣли убѣжать въ городъ. Съ тѣхъ поръ уже Рейнсдорнъ больше

изъ города не смѣлъ выходить. А Пугачовъ съ каждымъ днемъ все тѣснѣе окружалъ Оренбургъ. Черезъ нѣсколько времени уже ни войти ни выйти изъ него нельзя было. Подвозъ хлѣба и сѣна въ Оренбургъ прекратился. Гонцы съ бумагами къ губернатору и отъ него попадались въ руки Пугачову. Онъ прочитывалъ эти бумаги и иногда въ насмѣшку отсылалъ ихъ Рейнсдорну. Рейнсдорнъ вздумалъ было однажды послать въ лагерь манифестъ, и написалъ въ немъ, что Пугачовъ каторжникъ съ рванными ноздрями и съ клеймами. Только манифестъ этотъ ничего не принесъ Пугачову кромѣ пользы. Онъ приказалъ прочесть его передъ всѣмъ войскомъ. И всѣ видѣли, что у Пугачова ноздри цѣлы и клеймъ на лицѣ нѣтъ, а потому еще больше убѣдились, что онъ императоръ. „Какое намъ дѣло до Пугачова, говорили они, можетъ быть у него ноздри и рваные, да намъ что за дѣло. У насъ не Пугачовъ, а истинный императоръ.“

Войско Пугачова увеличивалось каждый день. Толпы народу приходили къ нему со всѣхъ сторонъ. Онъ обучалъ свои войска военному дѣлу, стрѣлять и маршировать. Иногда онъ дѣлалъ имъ смотры. — Въ это время онъ жилъ по царски. Въ Бердѣ, которую мятежники въ

шутку называли Москвой, у него была шелковая палатка; домъ его былъ убранный роскошной мебелью, картинами, часами. Все это онъ раздобылъ на дачѣ одного Оренбургскаго богача. Каждое утро Шугачовъ производилъ судъ и расправу; онъ надевалъ малиновую бархатную шубу и такія же шаровары, садился въ кресло и принималъ просителей. Часто задавалъ онъ пиры про весь честной народъ. Правда, за пирами и дѣло около себя онъ не забывалъ и самъ распоряжался всѣми дѣлами и за всѣмъ присматривалъ. Только тронуться ему съ мѣста, въ походъ двинуться, съ шелковою палаткою, да съ царскимъ житьемъ разставаться, ему ужъ неохотно было. Больно полюбилось ему это житье и стоялъ онъ подъ Оренбургомъ, въ то самое время какъ по всей Руси ждалъ его народъ православный, и слишкомъ много дворянъ сталъ принимать къ себѣ на службу. Много портила его Билова, та самая красавица, которую онъ забралъ въ Татищевой крѣпости. Шугачовъ въ ней души не чаялъ и дѣлалъ все, что она хочетъ. Подъ конецъ и надоѣло это казакамъ. Сперва они честию просили: „Брось, ваше величество, бабу къ чорту,“ но Шугачовъ и слушать не хотѣлъ. Тогда казаки подстерегли эту Билкову

въ дорогѣ и убили ее вмѣстѣ съ братомъ ея. Сильно горѣвалъ потомъ Шугачовъ, да что дѣлать: мертвого не воскресишь. — Тѣмъ временемъ товарищи Шугачова не сидѣли безъ дѣла. Нѣсколько отрядовъ, подъ начальствомъ Чяки, Овчинникова, Цадурова забирали другія крѣпости въ томъ краю. А Ильинскую крѣпость взялъ самъ Шугачовъ, отлучившись на нѣсколько времени изъ подъ Оренбурга.

Хлопуша отправился на Уральскіе заводы; здѣсь онъ самъ когда то работалъ, здѣсь у него было множество знакомыхъ и товарищей. На заводахъ тамъ работали крѣпостные крестьяне, приписанные къ заводамъ. Ихъ притѣсняли и морили работой еще больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Поэтому, когда появился на заводахъ Хлопуша, рабочіе возстали поголовно. Все заводское начальство, прикащики, управляющіе, инженеры, все это отродье было истреблено безъ остатку; немногіе успѣли бѣжать или скрыться. Долгое время заводы оставались безъ начальства; рабочіе сами распоряжались всѣмъ. Вотъ тутъ то и видно стало, какъ рабочіе отлично могутъ управляться сами со своими дѣлами. Воцѣ бары все говорятъ: „Кабы не начальство, такъ рабочіе съѣли бы другъ друга.“ Это со-

вершенное вранье; никогда этого не случится. Кабы не начальство, такъ рабочіе дѣйствительно уничтожили бы всѣхъ мошенниковъ, всѣхъ кулаковъ, всѣхъ, кто хозяину подслуживается, да на товарищей наущничаетъ. Вотъ кого рабочіе бы съѣли, это точно. А затѣмъ они прекрасно бы устроились, и работа у нихъ пошла бы въ десять разъ лучше, чѣмъ при всякомъ начальствѣ. По крайней мѣрѣ, такъ было при Пугачовѣ на Уралѣ. Тамошніе заводы добываютъ, плавятъ и выдѣлываютъ всякую руду, желѣзную, мѣдную и другую. Это дѣло очень не легкое. Народу работаетъ много. Согласіе нужно большое. Однако рабочіе, какъ перебили все начальство, не бросили работы, межъ собой не перессорились. Заводы дѣйствовали отлично, лучше прежняго. Хлопуша отлилъ въ короткое время много пушекъ, и даже деньги сталъ чеканить. Кромѣ того Хлопуша вооружилъ заводскихъ рабочихъ, собралъ изъ нихъ войско и былъ выбранъ этимъ войскомъ въ полковникъ.

Пугачовъ отправилъ свои манифесты во всѣ стороны, писалъ онъ, между прочимъ, и Калмыкамъ, хану ихнему, приглашалъ его вступить въ союзъ и прійти на помощь. Ханъ обѣщать — обѣщалъ, но помощи никакой не далъ.

Между тѣмъ извѣстіе о бунтѣ дошло до Пѣтера. Государыня получила это извѣстіе ровно черезъ мѣсяцъ, 19 октября. Въ это время наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, только что женился и по этому случаю дворянство пирило и въ Пѣтерѣ, и въ Москвѣ. Вѣсть о бунтѣ пришла и къ Екатеринѣ тоже во время какого то придворнаго пира. Екатерина не считала сперва бунтъ опаснымъ. Она думала, что не трудно будетъ усмирить его, но однако все таки послала на выручку Оренбургу одного изъ своихъ генераловъ, Кара.

Каръ думалъ сокрушить Пугачова съ одного маху. Онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части одну самъ повелъ, другую поручилъ генералу Чернышеву. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на бунтовщиковъ и разогнать ихъ. Однако нѣмецъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Пугачовъ выслалъ противъ него Овчинникова съ тремястами человѣкъ и четырьмя пушками. По пути къ Овчинникову присоединился еще Хлопуша со своими заводскими и привезъ съ собой нѣсколько пушекъ. Всего войска у нихъ вышло не болѣе шести сотъ человѣкъ, да пушекъ было тридцать. Когда Каръ былъ уже недалеко, то Овчинниковъ выстроилъ густыми

рядами небольшую часть своего войска, а позади людей установилъ пушки, такъ что ихъ вовсе не видно было, а на встрѣчу Кару отправилъ двухъ казаковъ. Они подскакали къ войску: одинъ крикнулъ два раза „ура“, и сказалъ:

„Императоръ Цетръ Федоровичъ объявляетъ вамъ, что вы лучше сдѣлаете, если передадитесь ему. А не то всѣ погибнете какъ бунтовщики.“

Генераль Каръ такъ былъ пораженъ смѣлостью казаковъ, что не сообразилъ сразу, что сказать, что сдѣлать. А пока онъ раздумывалъ, другой казакъ прочиталъ манифестъ Пугачова, гдѣ тотъ объявлялъ, что идетъ заступиться за народъ, что приметъ съ охотою солдатъ въ свое войско, и увѣщевалъ не идти противъ народа. За тѣмъ оба казака усккали, а Каръ теперь только надумался, что ихъ бы нужно словить, да ужъ поздно было.

Эта смѣлая штука смутила многихъ солдатъ; они стали подумывать, что имъ нѣтъ никакого резона идти противъ Пугачова. „Идетъ за нашего же брата, за простонародье“ думали солдаты. Когда оба войска сошлись, Каръ, увидѣвъ, что пугачовцевъ мало, смѣло пошелъ на нихъ. Войско Овчинникова разступилось на обѣ стороны и тридцать пушекъ грянули картечью въ

солдатъ Кара. Тѣ никакъ этого не ожидали и пришли въ смятеніе: одни бросали оружіе, другіе бѣжали; многіе перешли на сторону Овчинникова. Каръ едва собралъ половину отряда и сталъ отступать; а Овчинниковъ продолжалъ палить въ него изъ пушекъ. Семнадцать верстъ гнались за Каромъ народныя войска и только къ ночи прекратили погоню. Каръ укрѣпился за это время въ какой то деревушкѣ, а на другой день уѣхалъ въ Шитеръ, заболѣвши отъ горя и потерявши надежду побѣдить Пугачова. Эта битва происходила 7 ноября.

Овчинниковъ привелъ до двухъ сотъ человѣкъ плѣнныхъ солдатъ. Всѣ они поступили въ войско Пугачова. Офицеровъ повѣсили. Только одинъ Швановъ остался въ живыхъ, потому что всегда хорошо обходился съ солдатами. Этотъ Швановъ зналъ иностранныя языки, и потому Пугачовъ взялъ его въ свою канцелярію.

Тѣмъ временемъ подошелъ къ Оренбургу генералъ Чернышевъ; у него было пять-сотъ солдатъ и тридцать шесть офицеровъ. Пугачовъ самъ вышелъ противъ Чернышева и 14 ноября забралъ въ плѣнъ все его войско. Чернышева съ офицерами повѣсили; а солдаты всѣ поступили къ Пугачову.

Черезъ нѣсколько времени подошелъ къ Оренбургу баронъ Корфъ съ войсками. Пугачовъ легко могъ не пропустить его, да оплошалъ, и Корфъ не только прорвался въ Оренбургъ, но провезъ еще туда всякихъ припасовъ, пороху и всего нужнаго для обороны. Послѣ этого онъ возмечталъ о себѣ, что онъ великій полководецъ, и вышелъ съ войскомъ противъ Пугачова. Но Пугачовъ жестоко разбилъ его, забралъ въ плѣнъ половину его отряда, а остальныхъ прогналъ въ городъ.

И такъ всѣ войска правительства были разбиты, а изъ крѣпостей во всемъ томъ краю держались только Оренбургъ и Яицкій городокъ. Къ Яицкому городку Пугачовъ послалъ двухъ своихъ полковниковъ. Они городъ взяли, но крѣпость взять не могли. Тогда Пугачовъ самъ отправился туда и сталъ управлять осадой, но толку вышло мало.

Передъ отъѣздомъ Пугачова изъ Берды, онъ, по требованію казаковъ, учредилъ военную управу, которая заправляла всѣми дѣлами, начальникомъ войска подъ Оренбургомъ назначилъ Шигаева.

Во время осады Яицкаго городка Пугачовъ обвинчался съ красавицей Устиньей Петровной Кузнецовой, казачкой.

Такъ проходила зима. Оренбургъ и Яицкій городокъ не сдавались, а Пугачовъ продолжалъ стоять подъ ними и дальше не шелъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Когда вѣсть о пораженіи Кара и Чернышова дошла до Екатерины, она испугалась. Она увидѣла, что бунтъ поднимается не на шутку. Нужно было собрать всѣ силы для усмиренія бунта, а силъ было очень немного. Война съ Турціей все еще продолжалась; турецкій султанъ, прослышавши о бунтѣ, ни за что не хотѣлъ мириться. Поэтому всѣ войска императрицы находились за границей, на рѣкѣ Дунаѣ; всѣ лучшіе полководцы были тамъ же. Выходить, что противъ Пугачова нечего и некого было послать. Въ этой крайности Екатерина написала начальнику Дунайской арміи, чтобы онъ непременно прислалъ въ Петербургъ знаменитаго генерала Суворова. Суворовъ считался лучшимъ полководцемъ. Она выбрала изъ своихъ приближенныхъ

самаго умнаго, Бибикова и назначила его начальникомъ надъ всѣми войсками, посланными усмирять бунтъ. Это было двадцать девятаго ноября.

Бибиковъ былъ еще не старый человѣкъ, всего лѣтъ сорока пяти. Во многихъ случаяхъ онъ показалъ себя очень умнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ. Приходилось ему однажды и бунтъ усмирять, на Уралѣ тоже, такъ стало быть это дѣло было ему знакомо. Вообще трудно было подыскать болѣе подходящаго человѣка, какъ Бибиковъ. Онъ сейчасъ же отправился въ Казань и сталъ наводить справки, сколько бунтовщиковъ, какія мѣстности возмущались и все такое. Однако дѣла Екатерины оказались такъ плохи, что даже Бибиковъ на первыхъ порахъ повѣсилъ голову и отчаялся спасти правительство. — „Зло превелико, преужасно,“ писалъ Бибиковъ: „духъ бунта и смятенія овладѣлъ всѣми.“ Бибиковъ понималъ, что вся сила мятежа не въ Пугачовѣ и даже не въ Яицкихъ казакахъ, а во всемъ Русскомъ народѣ, въ его злѣбѣ противъ дворянъ и начальства.

„Вѣдь не Пугачовъ важенъ, а важно вообще негодованіе,“ писалъ Бибиковъ своему пріятелю, и прибавлялъ: „неужели -- проклятая сволочь —

не образумится?“ Пугачова ояъ называлъ пѣш-кою, которою вертятъ, какъ хотятъ, Яицкіе казаки. Вообще, писалъ снѣ: — дѣла нах-одятся въ столь скверномъ положеніи, что и сказать нелзя.

Дѣла Екатерины въ самомъ дѣлѣ были плохи. Весь Оренбургскій край сталъ за Пугачова; только городъ Оренбургъ и Яицкій городокъ еще держались, но и они были въ осадѣ. Сакмара была взята Пугачовымъ, Башкирія бунтовала; Кунгурскій уѣздъ возмутился, Шадринскій Челябинскій уѣздъ тоже. Уфу осаждалъ Чива. Хлопуша возмутилъ всѣ заводы на Уралѣ. Пензенская губернія взбунтовалась, Тобольская губернія тоже начинала волноваться. Говоря короче, вся восточная Россія и часть Сибири открыто поднялись противъ царицы, начальства и дворянъ. На всемъ этомъ пространствѣ крестьяне и рабочіе избивали своихъ начальниковъ и господъ, отбирали ихъ имущество, вооружались чѣмъ могли и ходили по городамъ и селамъ, убывая и грабя всѣхъ, кто только раздражалъ противъ себя народъ. Начальники перепугались и бѣжали въ безопасные лѣса...

Весь восточный край открыто возмутился, но и остальная Россія не была спокойна. Слухъ

о бунтѣ быстро распространился во все стороны. Манифесты Пугачова попадали всюду. Народъ, измученный притѣсненіями, съ жадностью читалъ эти манифесты и слушалъ толки о новоявленномъ царѣ. Все говорили про него, про льготы, которыя онъ обѣщалъ народу, про ту казнь, которою онъ казнилъ дворянъ. И ободрялся бѣдный мужикъ, слыша это; онъ вольнѣе подымалъ тогда свою голову, безъ страха сталъ смотрѣть на помещика и началъ надѣяться, что авось еще и на его долю выпадутъ красные дни. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ народъ Пугачова. Въ Москвѣ 80, 000 человекъ готовы были присоединиться къ нему, какъ только онъ появится. Въ Казанѣ народъ тоже шибко поговаривалъ о государѣ Петрѣ Федоровичѣ, а дворяне стали даже уѣзжать оттуда въ Нижній-Новгородъ.

Начальство совсемъ растерялось и перепугалось. Казанскій губернаторъ бѣжалъ въ Козьмодемьянскъ. Астраханскій губернаторъ не смѣлъ носу показать изъ Астрахани. На войско трудно было положиться, потому что оно постоянно измѣняло и переходило на сторону народа! Во многихъ мѣстахъ начальство, не зная, что дѣлать, приказывало крестьянамъ ловить бунтов-

щиковъ и передавать ихъ властямъ; но, понятно, крестьяне того не исполняли. а напротивъ сами возмущались, какъ только въ ихъ деревню приходили два три пугачовца.

Въ это время въ Питерѣ былъ одинъ Яицкій казакъ Перфильевъ; онъ пообѣщалъ Екатеринѣ отправиться къ Пугачову и какимъ ни на есть способомъ извести его. Екатерина была очень рада и дала Перфильеву денегъ на дорогу. Но онъ обманулъ ее и сталъ служить Пугачову. Послѣ онъ писалъ Екатеринѣ, что можетъ выдать Пугачова, но что для этого ему нужно тридцать двѣ тысячи (по нынѣшнему это составитъ сто тридцать тысячъ рублей!) и Екатерина приказала выдать ему эти деньги. Вотъ какъ дорого цѣнили Пугачова. Впрочемъ, Перфильевъ и на этотъ разъ обманулъ Екатерину.

Когда Бибииковъ пріѣхалъ въ Казань, онъ нашелъ весь городъ въ страхѣ. Дворяне разѣѣхались; губернаторъ бѣжалъ. О защитѣ города никто и не думалъ. Стоило пугачовцамъ только появиться и Казань сдалась бы безъ сопротивленія. Бибииковъ рѣшился прежде всего ободрить дворянъ и купечество.

Въ самый день новаго 1774 года преосвященный Веніаминъ, митрополитъ Казанскій, со-

вершилъ въ соборѣ торжественное молебствіе. Затѣмъ прочли манифестъ Екатерины. Въ этомъ манифестѣ Екатерина уговаривала крестьянъ не бунтоваться и спокойно подставлять шею въ хомутъ; а пуще всего увѣряла, что императоръ Петръ Третій умеръ. Этотъ манифестъ Бибииковъ разослалъ въ большомъ числѣ по разнымъ мѣстамъ, чтобы народъ могъ бы читать его. Послѣ молебствія Бибииковъ пригласилъ къ себѣ въ домъ всѣхъ, бывшихъ въ церкви дворянъ, купечество, горнозаводчиковъ, все благородное собраніе, и сказалъ имъ такую рѣчь.

„Господа! Я совершенно не понимаю, какъ вы спокойно смотрите на бунтъ, словно дѣло васъ вовсе не касается. Возстаніе Пугачова для васъ, дворянства и богатыхъ, можетъ быть, еще опаснѣе, чѣмъ для императрицы. Этотъ бунтъ идетъ къ тому, чтобы переимѣнить всѣ нынѣшніе порядки. Это бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, незнатныхъ противъ знатныхъ, холоповъ противъ господъ..... Этотъ бунтъ отниметъ у васъ вашихъ рабовъ, вашу землю, ваше имущество, да и вашей жизни не пощадитъ. Повторяю, господа, что это возстаніе не только противъ императрицы, но еще болѣе противъ васъ. Но если такъ, если вы это понимаете, то какъ же вы не хо-

тите помогать правительству? Вѣдь если правительство погибнетъ, погибнете и вы; наоборотъ, покуда будетъ цѣло правительство, до тѣхъ поръ будетъ цѣло и дворянство русское. А вы, вмѣсто того, чтобы помочь этому правительству, бѣжите, словно зайцы, даже не смѣя защищаться. Вѣдь, господа, бѣжать вамъ некуда. Нынче мятежъ на Уралѣ, а завтра онъ будетъ въ Казани, послѣ завтра въ Москвѣ. Вездѣ по Руси есть крѣпостные и господа; вездѣ крѣпостные ненавидятъ господъ. Слѣдовательно, вездѣ вамъ будетъ гибель, если вы не задавите бунта, покуда онъ еще не распространился по всей Россіи. Поймите меня, господа, бѣгствомъ не спасетесь. Лучше соберите всѣ ваши силы, окажите помощь правительству и помогите ему задавить бунтовщиковъ. Иначе погибнетъ правительство, а съ нимъ погибнете и вы; васъ даже прежде уничтожатъ.“

Эта рѣчь ободрила дворянъ. Они увидѣли, что Бибииковъ правъ, и рѣшились помогать правительству всѣми силами. Они тотчасъ же постановили выставить по рекруту съ двухъ сотъ душъ и на свой счетъ обмундировать и вооружить этихъ рекрутовъ. А также просить и другихъ дворянъ, въ прочихъ губерніяхъ, сдѣлать

тоже самое. Узнавши объ этомъ, Екатерина очень благодарила казанскихъ дворянъ. „Я сама, писала она имъ, казанская помѣщица, у меня самой есть крестьяне и потому, господа, съ моихъ собственныхъ крестьянъ ставлю рекрутъ.“

Между тѣмъ, Пугачовъ узналъ о пріѣздѣ Бибикова въ Казань и его приготовленіяхъ. Тогда онъ приказалъ поставить въ Бердѣ висѣлицу съ надписью золотыми буквами: „Бибикову.“ А въ Казань отправилъ одного татарина. Этотъ татаринъ остановилъ Бибикова на улицѣ и сказалъ ему:

„Государь Петръ Федоровичъ велѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты лучше оставилъ свои затѣи и перешелъ бы на его сторону. Иначе не сдобровать тебѣ. Для тебя уже поставлена висѣлица; а на висѣлицу не попадешь, такъ государь съумѣетъ тебя иначе какъ извести. Лучше покорись самъ.“

Сказавши это, татаринъ быстро ускакалъ. Бибикова сильно поразили эти слова; онъ сталъ послѣ этого унылъ и задумчивъ.

Только Пугачовъ напрасно грозился. Бибиговъ оказался умнѣе его. — Бибиговъ убѣдилъ дворянъ оставить свою трусость и бездѣйствіе. Казанскіе, Симбирскіе, Свіяжскіе и Пензенскіе

дворяне, по его убѣжденію, рѣшились выставить по одному рекруту съ двухъ сотъ душъ. Въ скоромъ времени они, вмѣстѣ съ горнозаводчиками и купцами, выставили двадцать тысячъ рекрутъ въ полномъ вооруженіи; кромѣ того въ Казань съ разныхъ мѣстъ сошлось еще четырнадцать тысячъ солдатъ; да еще раньше немного войска было. Стало быть всего Бибиковъ собралъ до тридцати пяти тысячъ солдатъ. Кромѣ того, онъ заготовилъ провѣянтъ, ружей, пушекъ, пороху и всего, что нужно для войны; наконецъ, онъ поставилъ начальниками всѣхъ офицеровъ, которые ему показались по уму прочихъ; такимъ образомъ около него собрались въ Казани князь Голицынъ, Михельсонъ, Меллинъ, Муфель и другіе.

Однимъ словомъ, Бибиковъ собралъ и войско и припасъ все нужное для войны. Затѣмъ онъ раздѣлилъ эти войска на нѣсколько отрядовъ и расположилъ ихъ такимъ образомъ, чтобъ они могли сразу броситься со всѣхъ сторонъ на Пугачова. А чтобы Пугачовъ не могъ пойти въ Россію, Бибиковъ расположилъ нѣсколько отрядовъ по Волгѣ.

Вотъ что успѣлъ сдѣлать Бибиковъ.

А что сдѣлалъ Пугачовъ за это время?

Да ничего собственно не сдѣлалъ. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ у него ушло на осаду двухъ крѣпостей. Разбивши Кара и Чернышева, онъ уже думалъ, что шутя справится со всякимъ войскомъ Екатерины. Назвавшись императоромъ и видя, что другіе признаютъ его царемъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ сталъ жить по царски. Завелъ себѣ богатое помѣщеніе, шелковую палатку, богато убралъ ее, разукрасилъ домъ, гдѣ поселился, и сталъ по царски управлять народомъ. Каждый день разодѣнется въ бархатъ и дорогіе каменья и выходитъ творить судъ и расправу надъ людьми. А тамъ весь остальной день либо объѣзжаетъ свои войска, какъ царь — больше для вида, отдаетъ приказы, а не то весь вечеръ сидитъ съ женою и пріятелями и кутитъ. Видно царскіе почести никому въ прокъ не пойдутъ. Ужъ на что хорошій человекъ былъ Пугачовъ: бойкій, смѣлый, самъ всякое горе терпѣлъ и всякую нужду зналъ, и тотъ избаловался. Видно всегда такъ. Дай человеку силу надъ людьми, да покоряйся ему, — избалуетъ, излѣнится.

Въ три мѣсяца можно было собрать большую армію, вооружить ее, обучить военному дѣлу. А Пугачовъ жилъ подъ Оренбургомъ, да распоряжался, какъ подкопы вести подъ крѣпость.

И вовсе не слѣдовало ему стоять подъ Оренбургомъ, когда надо было идти на Москву. Это онъ могъ сдѣлать со всѣмъ удобствомъ: на Волгѣ вовсе не было царскихъ войскъ, перейти ее можно было очень легко. Небольшой отрядъ пугачовцевъ уже даже перешелъ Волгу и взялъ Самару. А за Волгой уже начиналась настоящая русская земля; и народу тамъ побольше, да и народъ самый надежнѣе, чѣмъ по лѣвую сторону. Народъ тамъ съизстари былъ крѣпостной: все населеніе было закабалено у помѣщиковъ, и помѣщиковъ было множество. Крестьяне ненавидѣли ихъ и готовы были возстать при первой возможности. Поэтому за Волгой армія Пугачова могла бы увеличиться въ десять разъ. Остановить его на пути къ Москвѣ никто не могъ: войска у правительства здѣсь не было. Стало быть онъ могъ идти къ Москвѣ спокойно, безъ помѣхи, и имѣлъ бы время обучить свое войско. До Москвы онъ могъ дойти въ мѣсяць или даже скорѣе. А въ Москвѣ множество народу только ждало Пугачова, чтобы встрѣтить его съ хлѣбомъ, солью и колокольнымъ звономъ. Восемьдесятъ тысячъ чело-
вѣкъ, говорятъ тогдашніе московскіе жители, сейчасъ готовы были присоединиться къ нему. Они даже начинали бунтоваться. Въ Москвѣ, кро-

мѣ того, Пугачовъ нашелъ бы всего вдоволь: и денегъ, и оружія. Если бы Пугачовъ шелъ на Москву вмѣсто того, чтобы сидѣть сложа руки подъ Оренбургомъ, да баретвовать по царски, то можно сказать навѣрно, что Екатерина не усидѣла бы на престолѣ. А времени на это у Пугачова было даже больше чѣмъ нужно: ноябрь и декабрь 1773 года, потомъ январь, февраль и половина марта 1774 года; слѣдовательно больше четырехъ мѣсяцевъ. Ну положимъ, въ ноябрѣ у него еще мало войска было: но въ декабрѣ у него было уже семнадцать тысячъ народу въ арміи. Слѣдовательно, въ половинѣ декабря, онъ могъ уже смѣло двинуть десять тысячъ войска черезъ Волгу и идти черезъ самую Русь — матушку на Москву. Послѣ этого пѣлыхъ три мѣсяца правительство было еще безъ войска, и эти три мѣсяца Пугачовъ погубилъ ни за грошъ, возжаясь около двухъ дрянныхъ крѣпостей. Досадно даже подумать объ этомъ. И на кой чортъ ему были эти Оренбургъ и Яицкій городокъ? Въ Яицкомъ городкѣ никого, кромѣ солдатъ не было; значитъ, взявши его, Пугачовъ получилъ бы очень мало помощи; тоже самое и Оренбургъ: это была большая крѣпость, но жителей въ ней было немного, и

притомъ все больше чиновники, купцы, помещики; стало быть опять, взявши Оренбургъ, Пугачовъ не могъ бы значительно увеличить свое войско.

Оставаться подъ этими крѣпостями, значить, было совершенно глупо. Да и вообще при бунтѣ никогда не слѣдуетъ заставаться на осадѣ крѣпостей. Гораздо выгоднѣе въ это время возмутить, какъ можно больше городовъ, селъ, деревень, собрать по больше войска, уничтожить дворянъ и захватить въ свои руки правительство. Придетъ время и крѣпости сами сдадутся. Когда правительство будетъ уничтожено, такъ солдаты, увидавши, что нѣтъ больше грозы надъ ними, сами сдадутся съ радостью и отдадутъ безъ боя всѣ эти неприступныя крѣпости.

Пугачовъ пропустилъ золотое время, рѣдкое время, и потомъ никогда уже не могъ воротить пропущеннаго.

Въ половинѣ марта 1774 года, Бибиковъ окончилъ всѣ свои приготовленія и послалъ князя Голицына съ большимъ отрядомъ на выручку Оренбургу. Другой отрядъ пошелъ освобождать Яицкую крѣпость. Третій отрядъ пошелъ къ Уфѣ, противъ Чики. Нѣсколько мелкихъ отрядовъ пошли по селамъ, деревнямъ и заво-

дамъ, чтобы усмирять мужиковъ. Такимъ образомъ, Бибииковъ сразу во все мѣста двинулъ войска, чтобы съ одного маху, повсемѣстно, задавить бунтъ.

Пугачовъ въ это время находился подъ Яицкой крѣпостью, когда Шигаевъ прислалъ ему изъ подъ Оренбурга донесеніе, что идетъ князь Голицынъ съ войскомъ. Пугачовъ сейчасъ же отпавился подъ Оренбургъ, взялъ съ собой оттуда всего только тысячу человекъ войска и десять пушекъ и пошелъ встрѣчать Голицына подъ Сорочинскую крѣпость. Однако Голицынъ разбилъ Пугачова. Тогда Пугачовъ снова взялъ полторы тысячи человекъ съ пятнадцатью пушками и сталъ поджидать Голицына у Татищевой крѣпости. Вскорѣ подошелъ къ нему на подмогу Овчинниковъ. Всего войска у Пугачова теперь сдѣлалось больше трехъ тысячъ человекъ и двадцать пушекъ.

Когда Голицынъ приблизился, то Пугачовъ приказалъ поймать кого нибудь изъ его солдатъ и спросить, сколько у него войска. Плѣнные сказали, что войска у Голицына пять тысячъ, да пушекъ семьдесятъ. Не смотря на это, Пугачовъ началъ сраженіе. Онъ такъ ловко стрѣлялъ въ солдатъ изъ пушекъ, что разстроилъ

сначала все войско Голицына; оно уже стало колебаться. Теперь нужно было послынье напереть на него, и Пугачовъ побѣдилъ бы. Онъ и приказалъ своей конницѣ броситься на Голицына. Но конница струсила; ее никакъ не могли выгнать изъ воротъ крѣпости. Наконецъ Пугачовъ приказалъ всему своему войску идти на штыки. Однако уже было поздно. Голицынъ успѣлъ уже поправиться. Завязалась упорная схватка и Голицынъ сталъ одерживать верхъ. Когда Пугачовъ замѣтилъ это, онъ сдалъ начальство надъ войскомъ Овчинникову, приказалъ ему „какъ можно“ стоять, а самъ поскакалъ въ Берду, посоветоваться со старшинами, что дѣлать. „Если продержитесь, сказалъ онъ Овчинникову, то приведу вамъ помощь.“ Однако удержаться было уже невозможно. Голицынъ напиралъ все сильнѣе, вошелъ въ Татищеву крѣпость, и войско Овчинникова бросилось бѣжать. Множество убитыхъ валялось на полѣ битвы. Половина войска была взята въ плѣнъ; между прочимъ попался въ плѣнъ Шигаевъ, а также Почиталинъ, писарь Пугачова. Всѣ пушки и снаряды достались Голицыну. Пораженіе было полное.

Пугачовъ узналъ обо всемъ этомъ еще до пріѣзда своего въ Берду. Пріѣхавши, онъ со-

бралъ всѣхъ старшинъ, объявилъ имъ о своемъ несчастіи и спрашивалъ, что теперь дѣлать. Старшины рѣшили, что нужно отступить отъ Оренбурга къ Яицкому городу, стараться набрать новое войско и не вступать больше въ сраженіе съ Голицынымъ, покуда не соберется довольно силы. Порѣшивши такимъ образомъ, они стали готовиться къ отступленію, а въ это время одинъ изъ старшинъ, Бородинъ, задумалъ выдать Пугачова и сталъ подговаривать къ этому казаковъ. Однако казаки донесли объ этомъ Пугачову. Пугачовъ приказалъ схватить Бородина, но тотъ успѣлъ бѣжать въ Оренбургъ.

Вслѣдъ за тѣмъ небольшіе остатки Пугачовскаго войска отступили отъ Оренбурга, не успѣвши даже захватить съ собой всѣхъ пушекъ.

Въ концѣ марта Голицынъ подошелъ къ Оренбургу. Если бы онъ еще нѣсколько времени промедлилъ, то Оренбургъ не могъ бы дольше держаться и сдался бы Пугачову, потому что въ послѣднее время голодъ въ Оренбургѣ дошелъ до крайности. Одинъ пудъ ржавой муки стоялъ 100 рублей; всѣхъ лошадей солдаты уже поѣли, стали ѣсть кошекъ, собакъ, падалъ всякую, голубиный калъ, глянью..... Но Голицынъ подоспѣлъ во время.

Дѣла Пугачова пошли худо. Хлепушу схватили башкирцы и выдали его правительству. Полковникъ Михельсонъ разбилъ Чикю, взялъ его въ плѣнъ и освободилъ Уфу отъ осады. Генераль Мансуровъ разбилъ Овчинникова у Яицкаго города и выручилъ его изъ бѣды. Самъ Пугачовъ четыре раза схватывался съ Голицынымъ и четыре раза былъ разбитъ. Послѣ этого у него не осталось почти вовсе войска, ни одной пушки, и самъ онъ долженъ былъ скрываться по степи. Казалось, что мятежъ былъ усмирень.

Екатерина вздохнула свободно. Дворяне ободрились. Всѣ думали, что дѣло кончено. Безпокойлись только тѣмъ, что не знали, куда Пугачовъ дѣвался. Полагали однако, что онъ либо убить, либо бѣжалъ изъ Россіи въ Киргизскую степь. До этого времени Екатерина скрывала отъ иностранныхъ государствъ, что въ Россіи бунтъ; теперь же она извѣстила всѣхъ, что вотъ, молъ, былъ у меня бунтъ, да теперь все покончено и бунтъ усмирень.

Однако Екатерина ошиблась. Дворяне обрадовались преждевременно. Пугачовъ еще не умеръ; не стихъ еще и гнѣвъ народа русскаго.

Между тѣмъ 9 апрѣля умеръ Бибиковъ. Хо-

дили слухи, что онъ умеръ отъ отравы, но это, кажется, не вѣрно.

Пугачовъ, послѣ того, какъ его поколотили нѣсколько разъ, будто проснулся. Онъ увидѣлъ, что сидѣть сложа руки, какъ подъ Оренбургомъ, нельзя, что изъ за этого можно все дѣло проиграть. Поэтому онъ снова сталъ разсылать манифесты во всѣ стороны, снова сталъ набирать войска. Крестьяне снова стали сходиться къ нему. И тутъ только понялъ Пугачовъ, какъ глупо онъ провелъ время подъ Оренбургомъ. Тогда онъ могъ спокойно обучить свои войска, имѣлъ всякіе снаряды и оружіе. Теперь же за нимъ гонялись генералы и не давали ни минуты покою. Онъ не имѣлъ времени набрать побольше войска, не имѣлъ времени обучить его, не имѣлъ даже, чѣмъ вооружить крестьянъ. Только что успѣетъ онъ собрать небольшую толпу, какъ вдругъ налетаетъ какой нибудь генераль, разгоняетъ всю эту толпу во всѣ стороны, и опять снова начинай собирать.

Обучать крестьянъ военному дѣлу было некогда; поневолѣ приходилось выходить въ поле съ невооруженными и необученными толпами; понятно, что солдаты постоянно ихъ разбивали. Едва успѣлъ Пугачовъ набрать до двухъ тысячъ

человѣкъ, какъ Голицынъ, взявши Сакмару и Каргалу, напалъ на него и разбилъ его такъ, что у него осталось всего только четыреста человекъ. Онъ бѣжалъ и снова собралъ войско. Тогда его разбилъ Гагринъ у Челябинска. Онъ снова собралъ войско и снова былъ разбитъ тѣмъ же Гагринымъ; тоже повторилось въ третій и въ четвертый разъ. Гагринъ до того разбилъ Пугачова, что у него вовсе не осталось войска.....

Тогда Пугачовъ рѣшилъ бѣжать въ горы, на заводы.

Наступила весна; снѣгъ въ горахъ таялъ, горныя рѣчки разлились. Пугачовъ думалъ, что въ такой мѣстности генералы Екатерины за нимъ не угоняются. Онъ думалъ, что въ горахъ хоть нѣсколько дней можно будетъ остаться въ покоѣ, можно будетъ собрать войско и мало мальски обучить его. Разсчетъ вышелъ вѣрный. Въ горахъ царскія войска потеряли его изъ виду и отстали. Пугачовъ прошелъ прямо на заводы Кыргизлинскій, Авзяно-Петровскій и Бѣлорѣцкій. Рабочіе толпами присоединялись къ его войску. Башкирцы тоже снова взбунтовались; ихъ поднималъ знаменитый богатырь ихній Салаватъ. Мало по малу у Пугачова снова набралось войско; но у него не было ни ружей, ни пушекъ, ни

пороху. Чтобы поправить дѣло, онъ задумалъ овладѣть какой нибудь крѣпостью. Но крѣпость можетъ часто задержать на долго, а тѣмъ временемъ можетъ и войско царское подоспѣть. Потому Пугачовъ пошелъ подальше на маленькую крѣпость Магнитную. Она лежала въ самыхъ горахъ, по другую сторону Уральскихъ горъ. Войскамъ царскимъ трудно было туда добраться въ короткое время.

Подошедши къ Магнитной, Пугачовъ потребовалъ, чтобы комендантъ сдался безъ бою. Комендантъ не согласился. Пугачовъ пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ, и даже самъ былъ раненъ въ руку. Не смотря на то, онъ бросился на крѣпость во второй разъ и взялъ ее. Комендантъ крѣпости бѣжалъ. Въ крѣпости были взяты четыре пушки, нѣсколько ружей, довольно много пороху и всякихъ снарядовъ. На другой день въ Магнитную пришелъ Овчинниковъ и привелъ пять сотъ человѣкъ помощи. Между тѣмъ бѣжавшій комендантъ, проплутавши нѣсколько времени въ горахъ, вернулся съ повинной головой; однако Пугачовъ велѣлъ его повѣсить: „Отъ великаго государя бѣгать нечѣмъ,“ сказалъ онъ.

И такъ Пугачовъ снова собралъ войско, раз-

добыль немного пушекъ, пороху. Однако войско это было только что набрано и совсѣмъ еще не обучено. Потому слѣдовало до поры не идти въ сраженіе съ войскомъ Екатерины. Пугачовъ понималъ это и уходилъ отъ генераловъ вездѣ, гдѣ только можно было, набиралъ, тѣмъ временемъ новыя войска и забиралъ вездѣ, гдѣ попадалось, ружья, пушки и порохъ. Генераль Михельсонъ гонялся за нимъ, но долго не могъ догнать. Такимъ образомъ Пугачовъ взялъ крѣпость Карагайскую, потомъ Петропавловскую и наконецъ Троицкую. Но здѣсь его догналъ Декалонгъ; Пугачовъ поневолѣ долженъ былъ вступить въ битву; онъ былъ разбитъ и опять потерялъ всѣ пушки, кромѣ одной. Тогда онъ побѣжалъ къ Кунгуру, набирая новыя войска. У Кунгура его догналъ Михельсонъ. Произошла битва. Сначала верхъ былъ на сторонѣ Пугачова, онъ успѣлъ даже отнять у Михельсона всѣ его пушки; но потомъ Михельсонъ поправился и разбилъ Пугачова начисто: ни войска, ни пушекъ у него не осталось.

Пугачовъ бѣжалъ и нѣсколько дней не могъ его догнать Михельсонъ. Они оба мчались, какъ вихорь. Михельсонъ весь свой отрядъ посадилъ на коней. Ни рѣки, ни болота его не останав-

ливали. Онъ по дну рѣкъ, на канатахъ перетаскивалъ свои пушки; люди переходили въ бродъ или въ плавь, и снова начиналась погоня. Но Шугачооъ очень хорошо понималъ, что ему не слѣдуетъ сражаться, покуда не наберется довольно войска, и потому мчался еще быстрее, собирая войска, разсылая во все стороны манифесты, и не останавливался ни на минуту. Такимъ способомъ онъ успѣлъ въ нѣсколько дней собрать десять тысячъ человѣкъ; но большая часть изъ нихъ были башкиры; а башкиры и драться не умѣли, какъ слѣдуетъ, и постоянно измѣняли. Одинъ изъ его полковниковъ, Бѣлобородовъ, бывшій бѣглый солдатъ, привелъ на помощь четыре тысячи заводскихъ рабочихъ. Съ этими силами Шугачовъ взялъ Красноуфимскую крѣпость и здѣсь добылъ нѣсколько пушекъ. Но все таки большая часть его войска была вовсе безъ оружія.

На берегу рѣки Ая Михельсонъ снова догналъ Шугачова и разбилъ его. Шугачовъ три раза схватывался съ нимъ и три раза былъ разбитъ; все войско его разсѣялось. Шугачовъ бѣжалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ успѣлъ снова собрать нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Такъ вотъ какое множество народа могъ на-

бирать Пугачовъ даже въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ, какъ по Камѣ рѣкѣ. И какая бы эта была сила если бы Пугачовъ собралъ ее всю загодя, прежде чѣмъ собрались войска Екатерины.

Однако онъ видѣлъ, что на Уралѣ ничего не подѣлаешь. Здѣсь все таки было мало населенія. Тогда Пугачовъ задумалъ то, что уже давно слѣдовало: идти на Москву. Только въ Москву надо было идти черезъ Казань; а дорогу на Казань заложилъ Михельсонъ своимъ войскомъ. Пугачовъ попробовалъ еще разъ напасть на него и снова былъ разбитъ. Увидѣвши, что съ Михельсономъ ничего не подѣлаешь, Пугачовъ поднялся на хитрость. Онъ пошелъ къ сѣверу на Осу, какъ будто уже оставилъ свое намѣреніе идти на Казань. Михельсонъ попался на эту удочку и погнался за нимъ. Пугачовъ, видя, что ему удалось надуть Михельсона, заманивалъ его все дальше къ сѣверу, покуда не отвелъ далеко въ сторону отъ Казани. Такимъ образомъ онъ дошелъ до самой Осы, а Михельсонъ все гнался за нимъ, совсѣмъ позабывши про Казань.

Пугачовъ послалъ коменданту Осы приказаніе сдать городъ. Комендантъ испугался, отворилъ ворота и встрѣтилъ Пугачова съ хлѣбомъ-солью.

Цугачовъ въ награду за покорность оставилъ его по прежнему начальникомъ Осы. Но комендантъ покорился только для виду: на самомъ же дѣлѣ онъ былъ измѣнникомъ и написалъ Михельсону, чтобы тотъ поскорѣе шелъ въ Осу и общался закладывать всѣ пушки у Цугачова. Хорошо, что Цугачовъ успѣлъ захватить это письмо и повѣсилъ измѣнника—коменданта.

Теперь Цугачовъ могъ идти на Казань. Войско у него было; пушки тоже. Михельсонъ остался далеко и въ другой сторонѣ. Цугачовъ быстро пошелъ къ Казани, другою дорогою. Тутъ только спохватился Михельсонъ, да ужъ было поздно: онъ уже не могъ догнать Цугачова. 23 іюня Цугачовъ перешелъ черезъ Каму. На заводахъ Воткинскомъ и Ижевскомъ множество рабочихъ присоединились къ его войску. Онъ пошелъ дальше.

Въ Казани осталось только полторы тысячи дворянскаго войска. Узнавши о приближеніи Цугачова, губернаторъ и все начальство страшно переполошилось. Они стали еще собирать войска и собрали до шести тысячъ. А на встрѣчу Цугачову отправили отрядъ подъ начальствомъ Толстого. Но уже одно то, что Цугачовъ, послѣ всѣхъ неудачъ, шелъ прямо на Казань, навело

такого страха, что отрядъ Толстого былъ разбитъ; самого Толстого убили. Тогда губернаторъ выслалъ еще два отряда, но оба они также были разбиты, и 12 іюля Пугачовъ явился передъ Казанью. Онъ сталъ лагеремъ на Арскомъ полѣ и послалъ губернатору указъ о сдачѣ города. Но губернаторъ рѣшилъ защищаться. Тогда начался приступъ. Всѣ дворяне защищали городъ отчаянно; даже дворянскіе дѣти помогали обороняться. Но рабочіе кулаками прогнали ихъ и взобрались на стѣну. Казань была взята; тысячи дворянъ и купцовъ бросились въ крѣпость и заперлись тамъ. Пугачовъ и тутъ замѣшался, не пошелъ сейчасъ на крѣпость, а рѣшилъ взять ее на другой день, а въ тотъ день занялся принятіемъ желающихъ въ свое войско и уничтоженіемъ дворянъ. Много купцовъ и дворянъ было перебито; дома ихъ разграблены, а потомъ сожжены. Пугачовъ приказалъ выпустить изъ остроговъ всѣхъ заключенныхъ и тутъ онъ увидалъ свою первую жену Софью, которая оставалась въ Зимовейской станицѣ; съ ней были и его дѣти. Пугачовъ ласково обошелся съ ней и сказалъ своимъ:

„Это жена моего друга, Пугачова. Онъ много для меня сдѣлалъ, но и я не оставляю ее.“

Онъ взялъ ее къ себѣ и не оставлялъ до самаго конца. Жена его попала въ Казанскій острогъ, потому что ее допрашивали о мужѣ.

Затѣмъ вечеромъ Пугачовъ и войско его начали пировать. Вдругъ ему донесли, что къ городу подходитъ Михельсонъ. Пугачовъ тотчасъ собралъ свое войско и вышелъ ему на встрѣчу. Въ семи верстахъ отъ города было сраженіе и Пугачова разбили. Михельсонъ подошелъ къ Казани. Однако Пугачовъ еще разъ собралъ всѣ свои силы и на Арскомъ полѣ опять напалъ на Михельсона. Но Михельсонъ снова разбилъ его; всѣ пушки, весь лагерь и обозъ Пугачова достались Михельсону. Болѣе десяти тысячъ чело-вѣкъ попались въ плѣнъ, и Пугачовъ успѣлъ бѣжать всего съ пятьюстами чело-вѣкъ. Это было 13 іюля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Итакъ Пугачовъ былъ разбитъ подъ Казанью. Нѣсколько дней никому не было извѣстно, гдѣ онъ находится и что дѣлаетъ. Однако начальство еще оставалось въ страшномъ испугѣ; въ страхѣ были и дворяне. Ихъ не успокоило даже то, что Михельсонъ уничтожилъ все войско

Пугачова. Они теперь всё поняли, что это еще ничего не значитъ, — нынѣ мужиковъ побьютъ, а на завтра они собираются еще въ большемъ числѣ. Стало быть, не велика штука, что Михельсонъ разогналъ все войско Пугачова. А вотъ, что важно: Пугачовъ сумѣлъ обмануть даже такого отличнаго полководца, какъ Михельсонъ, и подъ носомъ у него взялъ Казань. Вотъ это важно. Это значитъ, что онъ можетъ опять подстроить какую нибудь хитрость, да, пожалуй, и Москву забрать.

Такъ думали дворяне. Со страху они выдумывали о Пугачовѣ вовсе небывалыя вещи. Говорили, напримѣръ, что у него триста тысячъ войска: сто тысячъ идетъ на Нижній, сто на Москву и сто тысячъ обратно на Казань. Ничего такого не было на самомъ дѣлѣ. Пугачовъ послѣ того, какъ его разбилъ Михельсонъ, былъ въ скверномъ положеніи. У него оставалось всего пятьсотъ человѣкъ; пушекъ вовсе не было. Но за то дорога въ Москву была открыта. Всѣ генералы Екатерины остались за Волгой. Пугачовъ рѣшился идти дальше и 18 іюля перешелъ черезъ Волгу, неподалеку отъ Сундыря. Перешедши черезъ Волгу, Пугачовъ написалъ тотчасъ объ этомъ манифестъ и разослалъ его во всѣ стороны.

какъ тотчасъ вспыхнуло повсемѣстное возстаніе. По ту сторону Волги, на Уралѣ, на Яикѣ, народу нигдѣ не было такого притѣсненія, какъ въ самой Россіи. Помѣщичьихъ крестьянъ на Уралѣ было немного, все больше казенные; а на Яикѣ такъ ихъ и совсѣмъ не было. Потому и народъ былъ тамъ не такъ злобенъ. По эту же сторону Волги, въ Россіи, все крестьяне были крѣпостные. Помѣщиковъ было множество и они своими притѣсненіями, поборами и обидами довели народъ до того, что ему бѣлый свѣтъ не миль казался. Здѣсь все населеніе ненавидѣло баръ и потому поднялось поголовно. Пугачовъ въ своихъ манифестахъ объявилъ, что освобождаетъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, что жалуетъ ихъ всей землей; онъ обѣщался народу выдавать даромъ соль (соль тогда продавалась отъ казны и была дорога), податей и рекрутчины обѣщалъ не брать пять лѣтъ. А о дворянахъ онъ прямо отдалъ приказаніе убивать ихъ всѣхъ безъ исключенія.

Эти манифесты расходились повсюду и вездѣ поднимали крестьянъ. Стоило только двумъ-тремъ пугачовцамъ появиться въ любой деревнѣ, и крестьяне тотчасъ объявляли себя за великаго государя, Петра Федоровича; они бѣжали къ помѣщичьей усадьбѣ и горе помѣщику, если онъ не успѣлъ скрыться. Его вѣшали на воротахъ

собственного дома, либо рубили ему голову, либо на колья сажали. Тѣ помѣщики, которые хорошо обходились съ крестьянами, часто оставались нетроуты; но тѣ, кто раздражилъ ихъ противъ себя, погибали самою лютою смертію. Одной помѣщицѣ, которая не давала своимъ дворовымъ соли, рѣзали спину и солили ее солью. Другихъ, кто жестоко билъ крестьянъ, самихъ засѣкали до смерти; многимъ сдирали кожу, другихъ сожигали въ ихъ собственныхъ усадьбахъ. До сихъ поръ сохранились преданія о мести крестьянъ своимъ утѣснителямъ. Въ одной деревнѣ, говорятъ, писарь своими поборами въ конецъ измучилъ крестьянъ. Сии ненавидѣли его, но долго принуждены были терпѣть. Но вотъ грянула гроза — налетѣли удалцы государя, Петра Федоровича. Писарь не успѣлъ спрятаться; его схватили и начали судить:

„Ты грамотный человѣкъ?“ спрашивали его.
— „Грамотный.“

„Священные книги читалъ?“ — „Читалъ.“

„Что будетъ грѣшникамъ на томъ свѣтѣ?“

— „Въ смолѣ кипѣть будутъ.“

„Ну а ты грѣшникъ или нѣтъ?“ — „Грѣшникъ.“

„Ладно, полѣзай же въ смолу.“ Притащили мужики бочку дегтю и посадили туда писаря.

Другое преданіе говоритъ, какъ одинъ на-

чальникъ пугачовскаго войска крестилъ мальчика. „Къ чему попъ, говорилъ онъ, я не хуже попа окрещу.“ — Сталь онъ крестить.

„Отрицаешься ли барина и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ помышленийъ его и отрекся ли отъ барина?“ спросилъ онъ крестную мать.

— „Отрицаюсь“ — отвѣчала крестная.

„Дунь и плюнь на него!“ Потомъ сталъ спрашивать:

„Обѣщаешься ли бить все барское отродье во всю жизнь свою?“ — „Обѣщаюсь.“

„Цѣлуй саблю и пистолеты.“

Такъ кончилось это крещеніе. Конечно, это шутка, но она показываетъ, какъ крестьяне ненавидѣли баръ. Полковникъ Муфель рассказываетъ, что, проходя съ отрядомъ по этой мѣстности, онъ не видалъ ни одной деревни, гдѣ бы не висѣлъ на воротахъ помѣщикъ. Иногда вѣшали все семейство; многіе сидѣли на кольяхъ либо валялись безъ головъ. Иныхъ топили въ колодцахъ, въ рѣкахъ, въ грязи. Малыхъ дѣтей, которые еще ничѣмъ не могли вредить, крестьяне отдавали на воспитаніе бездѣтнымъ мужикамъ. Такимъ образомъ крестьяне наказывали виновныхъ, но безвинныхъ не трогали и даже заботились объ нихъ, чтобы они съ голоду не пропали.

Въ ужасѣ помѣщики бѣжали въ города; но въ города являлась армія Пугачова; народъ

встрѣчалъ ее съ хлѣбомъ-солью и съ иконами; затѣмъ начиналось избіеніе дворянъ.

Въ ужасѣ бѣжали помѣщики въ лѣса; но и тамъ не могли укрыться отъ крестьянъ. Проскитаются по лѣсу нѣсколько дней, натерпятъ и голоду, и холоду, и всякихъ страховъ, и все-таки попадутъ подъ конецъ въ руки мужиковъ и погибаютъ тогда на висѣлицѣ, либо на колу.

Случалось, что дворяне рѣшали защищаться и собирались для этого въ большемъ числѣ, но это не помогало. Крестьяне все-таки побѣждали ихъ, и цѣлыя груды помѣщичьихъ тѣлъ валялись долго послѣ того на дорогѣ либо на лѣсной полянѣ, пока вороны и волки не пожирали ихъ.

Сколько всего перебито дворянъ, до сихъ поръ еще не исчислено. Только въ нѣкоторыхъ городахъ составлены были списки убитыхъ; тамъ перечислено убитыхъ дворянъ, купцовъ, поповъ, управляющихъ, цѣловальниковъ больше тысячи человекъ. Но ихъ конечно въ десять разъ больше.

Итакъ, всѣ мѣста, гдѣ только появлялся Пугачовъ или кто нибудь изъ его войска, возставали поголовно. Множество мелкихъ шакъ ходило по помѣщичьимъ усадьбамъ и уничтожало ихъ.

Вся остальная Россія точно также готова была возмутиться и только ждала Пугачова. Только надо и правду сказать: крестьяне сами

по себѣ боялись начинать бунтъ. — Дворяне повсюду выѣзжали изъ деревень въ города. Изъ Нижняго Новгорода многіе помѣщики съѣзжали въ Москву. Но и въ Москвѣ было не безопасно. Народъ и тамъ волновался, говорилъ про волю и землю. За этакія рѣчи ихъ забирали въ полицію и жестоко сѣкли кнутомъ; но и подъ кнутомъ они продолжали кричать: „живъ Петръ Федоровичъ; будетъ у насъ земля и воля.“ Многіе помѣщики боялись держать при себѣ дворовыхъ и отсылали ихъ для надзора въ полицію. 6 марта въ Москвѣ едва не начался бунтъ; губернаторъ съ трудомъ усмирить народъ.

Между тѣмъ Пугачовъ взялъ Цывильскъ, превѣшалъ тамъ все начальство и двинулся дальше къ Курмышу. Здѣсь жители встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью; но поны отказались приводить народъ къ присягѣ Петру Федоровичу. Тогда Пугачовъ, для примѣра прочимъ, приказалъ повѣсить семьдесятъ семь поповъ вмѣстѣ съ дьяконами, дьячками и ихъ женами.

Отъ Курмыша дѣло не далеко и до Нижняго. Страхъ дворянъ дошелъ до послѣдней степени. Графъ Панинъ, богатѣйшій московскій помѣщикъ, прямо говорилъ: „Намъ, господа, нечего больше дѣлать, какъ только умирать.“ Екатерина также перепугалась. Она, какъ и всѣ

тогда, думала, что отъ Курмыша Пугачовъ пойдеть на Нижній, а тамъ и на Москву. Дѣло выходило не шуточное. Екатерина могла, пожалуй, и престола лишиться. Въ этой крайности она собрала всѣхъ своихъ совѣтниковъ и объявила имъ, что собереть армію и пойдеть сама противъ Пугачова. Однако придворные посовѣтовали ей назначить начальникомъ Панина, того самаго, что умирать собирался. Графъ Панинъ былъ извѣстенъ, какъ очень умный человѣкъ и притомъ хорошій полководецъ. Всѣ придворные говорили, что съ Пугачовымъ можетъ сладить только Панинъ. Екатерина была въ ссорѣ съ нимъ, но въ своей бѣдѣ рѣшилась помириться и просила его принять начальство надъ войскомъ. Панинъ согласился, но съ такимъ условіемъ, чтобы ему была дана полная власть надъ всѣми губерніями, гдѣ будетъ бунтъ, чтобы онъ могъ всѣхъ по своей волѣ казнить и миловать въ этой мѣстности, даже не докладывая государынѣ. Не хотѣлось Екатеринѣ давать такую власть своему же подданному, да дѣлать нечего: согласилась, потому что, кромѣ Панина, некого было назначить.

Однако на первыхъ порахъ казалось, что и Панинъ ничего не можетъ сдѣлать. Главное, что не было войска. Екатерина приказывала скорѣе заключить миръ съ турками; но турки не согла-

пались. Тогда Панинъ рѣшился сдѣлать тоже самое, что Бибиковъ: онъ обратился къ дворянству за помощью. Дворянство не отказалось и на этотъ разъ; оно стало собирать войско и припасы. Кромѣ того въ Москву пришло нѣсколько войска изъ другихъ мѣстъ. Но всего этого было еще слишкомъ мало.

Прослышавши о походѣ Пугачова на Москву, всѣ генералы, всѣ отряды изъ за Волги пустились его догонять. Съ разныхъ сторонъ сходились Михельсонъ, Меллинъ, Муфель, Чемесовъ и Мансуровъ. У всѣхъ вмѣстѣ было безъ малаго четыре тысячи войска. Но всѣ они были слишкомъ далеко; только Меллинъ и Михельсонъ находились по близости отъ Пугачова. Михельсонъ больше всего старался заступить дорогу въ Москву; онъ мчался, сколько силы хватало, постоянно забирая у крестьянъ свѣжихъ лошадей. Наконецъ, онъ у Курмыша успѣлъ обогнать Пугачова и сталъ въ Починкахъ на самой дорогѣ отъ Курмыша въ Нижній. Теперь, если бы Пугачовъ продолжалъ по прежнему идти на Нижній, то ему прежде всего пришлось бы сражаться съ Михельсономъ. Въ это время у Пугачова было войска свѣше тысячи человекъ; у Михельсона восемьсотъ.

Пугачовъ задумался. Что ему было дѣлать? Идти на Москву? Но Михельсонъ не пустилъ бы

его. Тысяча плохо вооруженныхъ мужиковъ никакъ не могла бы сладить съ восемьюстами самыхъ лучшихъ михельсонскихъ солдатъ. Подъ Казанью у Михельсона было только тысяча двѣсти человѣкъ, а и то онъ разбилъ больше, чѣмъ десять тысячъ пугачовцевъ. Стало быть, теперь объ этомъ и толковать было нечего. Поэтому Пугачовъ рѣшилъ идти внизъ по Волгѣ на Саратовъ, а Москву до времени оставить въ покоѣ. Это было самое глупое, что только было можно придумать.

Вопервыхъ, мира съ Турціей ждали не нынче — завтра. Тогда, стало быть, армія вернулась бы въ Россію. Ужъ если Пугачовъ не сумѣлъ справиться съ Екатериной и дворянами тогда, когда у нихъ войска почти не было, такъ нечего было и думать, что онъ можетъ разбить ихъ потомъ, когда вмѣстѣ соберутся всѣ арміи. Итакъ Пугачову нужно было пользоваться временемъ, идти на Москву, покуда не вернулась еще русская армія.

Это первое, а второе то, что снизу отъ Саратова и Царицына тоже шли на Пугачова войска — Муфель и Мансуровъ; стало быть, сраженія ему все равно не миновать и на Саратовъ идти было нечего. Слѣдовало либо самому обойти Михельсона, либо разослать малые отряды во всѣ стороны, взбунтовать крестьянъ позади Михель-

сона и напасть на него со всѣхъ сторонъ. А Пугачовъ только и видѣлъ свѣта, что въ себѣ самомъ, да въ томъ войскѣ, что около него было собрано. Между тѣмъ во время всенароднаго бунта сила не въ томъ, сколько народа собралось въ главномъ войскѣ, а въ томъ, сколько бунтуетъ народа и въ сколькихъ мѣстахъ бунтуютъ, лишь бы всѣ дѣйствовали за одно и сообща нападали. Если крестьяне бунтуютъ повсемѣстно, то царскимъ войскамъ неизвѣстно, куда броситься, надо вездѣ быть. А въ то время крестьяне и въ самомъ дѣлѣ бунтовались повсемѣстно; надо было только всѣ эти мелкія шайки, собравшіяся по деревнямъ, направить со всѣхъ сторонъ на царскія войска и они бы не устояли. Надо было держаться среди этихъ шайекъ, оставаться среди бунтующаго народа, а не уходить прочь.

Вмѣсто того Пугачовъ повернулъ на югъ, сталъ уходить отъ Михельсона, а съ тѣмъ вмѣстѣ сталъ уходить изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ всего дружнее поднялись крестьяне, гдѣ его всего болѣе ждали. Это — вторая ошибка Пугачова, она и погубила его.

Спора нѣтъ, у Пугачова хватило бы ума обсудить это дѣло основательно; но бѣда въ томъ, что за послѣднее время съ нимъ сдѣлалась большая перемена: онъ упалъ духомъ, отчаялся въ своемъ дѣлѣ и сталъ пить. Безъ сомнѣнія,

въ такомъ положеніи онъ оставилъ свое намѣреніе идти на Москву и порѣшилъ идти внизъ по Волгѣ, на Саратовъ.

Что же довело Пугачова до такого состоянія?

Пугачовъ былъ человекъ умный, храбрый, хорошій военный полководецъ; онъ любилъ русскій народъ и всѣмъ сердцемъ желалъ помочь ему. Но онъ во многомъ ошибался.

Прежде всего онъ не понималъ, что какой бы тамъ хорошій человекъ ни былъ царемъ, но если собрать къ одному человеку все управленіе, такъ выйдетъ одно безобразіе. Отъ одного человека не можетъ быть порядка на землѣ, потому что всякіе его губернаторы, воеводы, всякое его начальство всегда будетъ мошенничать и безобразничать; царь никакимъ способомъ за всѣми не усмотритъ. Въ душу человека не влѣзешь: кажется хорошъ — а онъ выходитъ плохъ; назначить другаго, а онъ выходитъ хуже перваго.

Одно средство помочь горю, это чтобы народъ самъ управлялъ всѣми до единого своими дѣлами, безъ всякихъ начальниковъ, самъ бы за всѣмъ смотрѣлъ и всѣ свои дѣла самъ рѣшалъ по деревнямъ и городамъ. Такъ и было прежде въ Россіи, прежде чѣмъ развелись цари и дворяне, и было не въ примѣръ лучше. Если бы, къ примѣру, всякая волость управляла своими дѣлами,

тогда дѣла шли бы лучше. Мужики небось, знаютъ свои нужды лучше всякаго губернатора или исправника, сами могутъ рѣшить, сколько земли пахать, сколько подъ лугомъ оставить, какую дорогу чинить, какую такъ оставить, какую школу надо, а какую нѣтъ. Вѣстимо, не по ли бы столбики красить ради губернаторскаго проѣзда или деньги давать на дворянскія школы. Сами разсудили бы всякую ссору между своими, по божески; кабы не было кулаковъ-дармоѣдовъ и кабы волостные старшины съ писарями не путали людей безтолковыми, испуганными петерскими законами, да губернаторскими карами. А если случилось какое общее дѣло, напримѣръ, во время возстанія, какъ лучше раздѣлаться съ господами, какъ обороняться отъ царскихъ и господскихъ войскъ, такъ сосѣднія волости съумѣли бы снестись между собой и сообща рѣшить всякое дѣло. Нужно только, чтобы надъ ними не было никакого начальства, потому что начальство сейчасъ начинаетъ мудрить, выдумывать глупые, неподходящіе законы, мошенничаетъ и прежде всего радѣетъ о себѣ самомъ. А народъ тѣмъ временемъ на всякое дѣло ждетъ приказанія и безъ него самъ ничего не дѣлаетъ. Итакъ, стало быть, прежде всего, какъ перебиты господа и отняты у нихъ земли и усадьбы, на-

роду нужна воля, полная воля управляться самимъ собой, а всякое начальство можетъ только повредить, пользы же нѣтъ отъ него никакой.

Вотъ этого то Пугачовъ и не могъ сообразить. Онъ думалъ, что царь долженъ за всѣмъ смотрѣть, вездѣ свой носъ совать, всѣмъ заправлять черезъ своихъ воеводъ, чтобы безъ него ничего не дѣлалось. Покуда Пугачовъ былъ между казаками, такъ онъ не могъ еще слишкомъ властвовать, потому что казаки свою волю берегли и не давали ему мудрить надъ собою. Всякое дѣло рѣшали сообща, и Пугачовъ ничего не могъ рѣшить безъ согласія атамановъ. А эти атаманы выбирались отъ всѣхъ казаковъ, и выбирали то казаки такихъ молодцовъ, какъ Чика, Хлопуша да Овчинниковъ. А тутъ, какъ попалъ Пугачовъ на Русь, такъ сталъ всѣмъ самъ заправлять. Чѣмъ бы дать народу волю самому управляться, снаряжать и посылать войска, самимъ сноситься между собой и собирать войска къ одному мѣсту, Пугачовъ во всѣ города воеводъ насаждалъ и не совѣтовался съ народомъ. Онъ видѣлъ, что его воеводы и всякое начальство точно также мошенничаютъ, бездѣльничаютъ, какъ и у Екатерины; онъ казнилъ всячески, и ничего не помогало.

А тѣмъ временемъ и народъ привыкать самъ

по себѣ ничего не дѣлать; на все ждали воеводскаго или царскаго указа; перебили помещиковъ, а дальше ничего не начинали. Золотое время уходило, дворяне опять усиливались. Да и самъ Пугачовъ до того привыкъ къ царской власти, что ему ужъ и жаль было разстаться съ нею. Онъ ужъ и понимать пересталъ, что можно было народу жить безъ царя и начальства. Онъ сталъ ото всѣхъ требовать себѣ царскихъ почестей. Охотниковъ прислуживаться много нашлось.

А между тѣмъ дѣла шли худо. Воеводы мошенничали, упускали время, дѣла не дѣлали. Пугачовъ сталъ думать, что дѣла идутъ скверно отъ неумѣлости его и товарищей, думалъ, что вся бѣда въ ихъ необразованности. Потомъ на судъ онъ самъ говорилъ, что не считалъ себя, по неумѣнію грамотѣ, способнымъ управлять государствомъ, — точно съ грамотнымъ, да образованнымъ начальствомъ лучше живется народу, чѣмъ при Пугачовѣ. Поэтому онъ охотно принималъ къ себѣ на службу умныхъ дворянъ, думая, что они помогутъ ему. Но дворяне еще больше мутили и портили дѣло; они еще больше лезли въ начальство; а иногда просто даже измѣняли народу. Пугачовъ больше и больше сталъ сомнѣваться, какъ быть дѣлу. Его мучила дума про свое безсиліе, а тутъ роскошь, всѣ

низкопоклонствуютъ, — онъ и сталъ все чаще виномъ заливать свое горе, чтобы забыться отъ думы, хоть на время. Такъ то человѣкъ ни за грошъ мѣдный себя мучилъ. Кажется, дѣло просто: не мудри надъ народомъ, дай ему по своему жить, и все пойдетъ хорошо. Но на грѣхъ не многіе понимаютъ это. Не понималъ этого и Пугачовъ, а также его генералы и совѣтники. Хлопуши, Чики, Шигаева, которые лучше другихъ могли додуматься до такой мысли, уже не было. Некому было присовѣтовать Пугачову; и шибко онъ запилъ съ горя, до того запилъ, что ничего уже и сообразить не могъ.

Въ такомъ то состояніи онъ былъ, когда порѣшилъ поворотить къ Саратову. Это была огромная ошибка; она погубила и самого Пугачова; погубила и его дѣло.

Отлегло отъ сердца у Екатерины, у Панина и у всѣхъ дворянъ, когда прослышали они, что Пугачовъ поворотилъ къ Саратову. Они были теперь спасены. Конечно, думали они, дворяне и начальство Симбирской, Саратовской и Самарской губерній погибнуть. Но ужъ навѣрное будетъ цѣла императрица и дворяне въ остальной Россіи. Когда Пугачовъ отойдетъ подальше, его легко можно будетъ уничтожить.

Михельсонъ и Меллинь бросились догонять

Пугачова. По дорогѣ они усмиряли крестьянъ. Они дѣлали это такъ : Остановятся въ какой нибудь деревнѣ, раздѣляютъ свои войска на множество отрядовъ, по десяти, двадцати человекъ, и разсылаютъ ихъ по окрестнымъ деревнямъ. Солдаты ходили по деревнямъ, ловили бунтовщиковъ, сѣкли ихъ, рѣзали имъ уши, рубили руки и ноги, вѣшали ихъ, жгли. На все это Панинъ далъ офицерамъ полное разрѣшеніе : Дѣлай, что хочешь.

Самъ Панинъ, видя, что Пугачовъ уходитъ все дальше, наконецъ, рѣшился выѣхать изъ Москвы, а то прежде онъ боялся пріѣхать на мѣсто и распоряжался издали.

23 августа онъ издалъ два манифеста и разослалъ ихъ во всѣ стороны. Въ одномъ манифестѣ Панинъ обѣщалъ десять тысячъ рублей тому, кто доставитъ Пугачова живымъ, а пять тысячъ тому, кто его убьетъ. Въ другомъ манифестѣ онъ грозилъ разными наказаніями бунтовщикамъ ; онъ грозилъ, что будетъ рубить имъ руки и ноги, будетъ ихъ вѣшать на веревкѣ и на глаголѣ, значить на желѣзномъ крюкѣ за ребро ; грозилъ продать женъ и дѣтей бунтовщиковъ въ рабство, а землю ихъ отдать помѣщикамъ. По всѣмъ деревнямъ онъ приказалъ разставить висѣлицы и глаголи и велѣлъ вѣ-

шать на нихъ людей безъ всякой жалости. Всѣмъ офицерамъ онъ далъ позволеніе усмирять крестьянъ какъ имъ здумается. Они могли вѣшать, четвертовать, сѣчь, кого имъ угодно и сколько угодно.

А между тѣмъ свѣжія войска все подходили. Заключили миръ съ турками и русское войско спѣшило домой усмирять возмущеніе.

Дѣло Пугачова было проиграно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пропустивши случай идти на Москву, Пугачову больше ничего не оставалось, какъ идти все дальше и дальше внизъ по Волгѣ. И чѣмъ дальше шель онъ, тѣмъ яснѣе было, что его непремѣнно уничтожатъ генералы Екатерины.

Отъ Курмыша Пугачовъ повернулъ къ Алатырю и 23 іюля вошелъ въ этотъ городъ. Жители встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью. Духовенство, испуганное казнями въ Курмышѣ, тоже вышло встрѣчать его въ полномъ облаченіи, съ крестами и иконами. Воевода Алатырскій, Бѣлокопытовъ, бѣжалъ изъ города и захватилъ съ собой всю казну; только мѣдныхъ денегъ не могъ забрать и оставить ихъ. Этихъ мѣдныхъ денегъ было нѣ-

сколько боченковъ на двадцать семь тысячъ. Пугачовъ отдалъ крестьянамъ всѣ эти деньги ; также роздалъ народу даромъ все казенное вино и тридцать тысячъ пудовъ соли. Такая щедрость очень понравилась жителямъ. На мѣсто бѣжавшаго воеводы Пугачовъ назначилъ своего. Этотъ новый воевода былъ родомъ изъ дворянъ, но терся давно уже около Пугачова и увѣрялъ, что готовъ стоять за народъ до послѣдней капли крови. Пугачовъ повѣрилъ ему, но дворянинъ оказался измѣнникомъ. Какъ только Пугачовъ пошелъ изъ Алатыря дальше, этотъ воевода сейчасъ же запретилъ мужикамъ убивать дворянъ, „привозите ихъ ко мнѣ въ городъ, говорятъ, а я уже самъ съ ними расправляюсь.“ И за каждаго дворянина, котораго къ нему доставятъ, обѣщалъ выдавать по десяти рублей. А мужики уже начали было поголовно истреблять помѣщиковъ. Но прослышавши объ такомъ указѣ, стали приводить ихъ живыми въ городъ. Воевода выдавалъ имъ по десяти рублей за каждаго, но не казнилъ, а сажалъ въ тюрьму. „Я, говоритъ, потомъ ихъ сразу уничтожу.“ Такъ онъ протянулъ время, пока подошли царскія войска, и спасъ такимъ образомъ бѣольшую часть помѣщиковъ Алатырскаго уѣзда.

1 августа 1774 года Пугачовъ вступилъ въ

Пензу. Жители и здѣсь вышли ему на встрѣчу, а Пугачовъ всячески отдалить народъ и прочитать въ церкви свой манифестъ; въ манифестѣ этомъ онъ объявлялъ волю крестьянамъ и обѣщалъ освободить ихъ на десять лѣтъ отъ податей. Все начальство Пензенское перевѣшалъ. Большую часть дворянъ тоже и имущество ихъ отдать на разграбленіе народу. Здѣсь, какъ и въ прочихъ городахъ, Пугачовъ отъ себя посадилъ все начальство и затѣмъ пошелъ дальше. Больше пяти сотъ человѣкъ пристало къ нему. Кромѣ того, онъ взялъ въ Пензѣ шесть пушекъ, болѣе шестнадцати пудовъ пороху, множество ядеръ, свинцу для пуль; а съ казначейства забралъ двѣ тысячи пятьсотъ рублей золотомъ и серебромъ, да еще сто тридцать шесть боченковъ съ мѣдными ятаками. Слѣдующій городъ по пути былъ Саратовъ. Онъ и тогда уже былъ большимъ, торговымъ городомъ; но не задолго до прихода Пугачова страшный пожаръ уничтожилъ большую часть города. Въ крѣпости саратовской было четырнадцать пушекъ и около восьми тысячъ войска. Однимъ словомъ, Саратовъ былъ хорошо защищенъ, бѣда же была только въ томъ, что въ немъ было слишкомъ много начальства. Комендантъ крѣпости — Бошнякъ, попечитель нѣмецкихъ колонистовъ — Ладыженскій и поручикъ Дер-

Жавинъ, каждый считалъ себя начальникомъ и распоряжался по своему. Державинъ говорилъ, что нужно защищать весь городъ; Бошнякъ твердилъ, что этого невозможно сдѣлать и что довольно и крѣпость одну защищать. Державинъ однако поставилъ на своемъ и согналъ рабочихъ починять вокругъ города стѣну; но и Бошнякъ не уступилъ и на другой же день разогналъ всѣхъ рабочихъ. Такъ они ссорились и ругались, а Пугачовъ приближался.

Когда онъ уже подошелъ близко, Державинъ съ нѣсколькими казаками выѣхалъ на встрѣчу, чтобы разузнать, сколько силы у бунтовщиковъ. Но когда подѣхалъ ближе, то разсудилъ, что лучше послать къ Пугачову для развѣдокъ двухъ казаковъ, а самъ вернулся съ остальными назадъ. Казаки Малаховъ и Мелеховъ подѣхали къ самому лагерю Пугачова, но здѣсь ихъ схватили и стали спрашивать, кто они и откуда. Казаки сказали, что, молъ, посланы мы изъ Саратова, и что по близости тутъ находится офицеръ Державинъ. Тогда Пугачовъ схватилъ коня, вскочилъ на лошадь и прокакалъ къ Державину съ четырьмя товарищами. Державинъ однако струсѣлъ и пустился бѣжать. Пугачовъ за нимъ и гналъ его чуть не до самого Саратова, но догнать не могъ. А Державинъ, прибѣжавши въ

Саратовъ, со страху сейчасъ уѣхалъ оттуда внизъ по Волгѣ, въ Царицынъ, вмѣстѣ съ Ладыженскимъ.

У Пугачова въ это время было около шести тысячъ войска, но изъ нихъ вооружены были не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Многіе не имѣли даже дубинъ и шли съ голыми руками. За арміей тянулся огромный обозъ съ женщинами и дѣтьми. Поэтому съ виду армія казалась очень большой, а на дѣлѣ въ ней едва было двѣ тысячи человѣкъ, годныхъ для битвы.

Бошнякъ пустился на хитрости: съ тремя тысячами человѣкъ, онъ вышелъ изъ города и засѣлъ въ лѣсу, чтобы потомъ, когда Пугачовъ подойдетъ къ городу, напасть на него сзади. Бошнякъ приказалъ въ городѣ въ тоже время стрѣлять въ армію Пугачова, чтобы, значить, напасть на него спереди и сзади. Но Пугачова нелегко было обмануть. Онъ самъ кругомъ провелъ Бошняка. Замѣтивши, что войско изъ Саратова спряталось въ лѣсу, Пугачовъ на ночь зажегъ передъ лѣсомъ множество костровъ, чтобы Бошнякъ подумалъ, что здѣсь вся армія стоитъ, а самъ въ ту же ночь двинулся къ Саратову, да только съ другой стороны, такъ что Бошнякъ не могъ уже напасть на него сзади. Кромѣ того Пугачовъ посадилъ на суда нѣсколько ты-

сячь человекъ и приказалъ имъ напасть на Саратовъ съ рѣки, а начальство со стороны рѣки вовсе не ожидало нападенія, такъ что тамъ городъ ничѣмъ не былъ защищенъ. Все это Пугачовъ сдѣлалъ за ночь, а какъ только разсвѣло, онъ съ двухъ сторонъ напалъ на городъ. Говорятъ, что онъ стрѣлялъ изъ пушекъ мѣдными деньгами. Бошнякъ всю ночь просидѣлъ около костровъ и не могъ потому поспѣть на выручку города. Такимъ образомъ, Саратовъ былъ взятъ. Тогда Пугачовъ отправилъ войско противъ Бошняка. Бошнякъ, узнавши, что Саратовъ взятъ, вышелъ къ Царицыну, но большая часть его войска передалась на сторону Пугачова, другіе были перебиты, такъ что онъ дошелъ до Царицына только всего съ двадцатью человекъ. Пугачовъ въ Саратовъ не вошелъ, а остановился лагеремъ у города. Жители Саратова толпами приходили, чтобы присягнуть государю Петру Федеровичу и посмотреть на него. Нѣсколько десятковъ поповъ приводили народъ къ присягѣ. Самъ Пугачовъ сидѣлъ въ шелковой палаткѣ на тронѣ, одѣтъ онъ былъ въ мундиръ. Когда жители пришли къ нему, онъ сказалъ имъ, что пришелъ на Русь освободить крестьянъ и истребить дворянъ. Между тѣмъ въ городѣ шла расправа съ начальствомъ

и дворянами. Множество человекъ было повѣшено, а дома ихъ отданы на разграбленіе народу.

Наконецъ, Пугачовъ двинулся дальше къ Камышину. Около трехъ сотъ человекъ жителей поступило къ нему въ войско. Пугачовъ торопился идти дальше, потому что Михельсонъ и Меллинъ были уже недалеко. Едва успѣлъ Пугачовъ выйти изъ Саратова, какъ пришелъ Меллинъ и остановился тамъ, поджидая Михельсона. Скоро Михельсонъ пришелъ, а Пугачовъ торопился уходить все дальше. Ужъ онъ приближался къ Камышину, ужъ онъ выходилъ изъ предѣловъ земли русской. Народу опять становилось меньше; начинали появляться татарскія кочевья вблизи русскихъ деревень...

Воротиться въ Россію уже было трудно; идти дальше тоже не стоило, потому что дальше начинались уже степи, населенныя разными кочевыми народами. Вся надежда была теперь на Волжское и Донское казачьи войска: коли они перейдутъ на сторону Пугачова, его дѣло еще могло бы поправиться; коли нѣтъ, — тогда пиши пропало.

Волжское войско было небольшое и жило на небольшомъ пространствѣ между Волгою и Дономъ; главный городъ войска былъ посадъ Дубовка. Во время Пугачова оно могло выставить около тысячи человекъ конныхъ, но большая

часть изъ нихъ уже была забрана русскимъ правительствомъ. Такимъ образомъ большой помощи волжское войско дать не могло. Другое дѣло Донъ. Онъ могъ много помочь Пугачову, могъ много и повредить. Екатерина и Пугачовъ оба понимали это. И каждый изъ нихъ старался привлечь на свою сторону донское войско.

11 августа Пугачовъ взялъ Камышинъ и разослалъ во все стороны ходяковъ поднимать народъ. На Донъ онъ отправилъ своего полковника Андреева съ пятьюстами команды и приказывалъ ему по мѣрѣ силъ поднять казаковъ. Тѣхъ донцовъ, которые попадали къ нему въ руки, Пугачовъ встрѣчалъ ласково и всячески награждалъ.

Однако и Екатерина не дремала. Она также всячески задобривала донцовъ. Да при томъ уже на Дону жили не тѣ удалые казаки, что когда то поддерживали Стеньку Разина. Голытьба уже не имѣла тамъ силы. Всѣмъ владѣли домовитые казаки, а имъ, конечно, было выгоднѣе поддерживать правительство; особенно теперь, когда оно начало всячески задобривать казаковъ.

Екатерина послала на Донъ капитана Осипова разузнать, что думаютъ казаки о Пугачовѣ и могутъ ли они къ нему пристать. Осиповъ привезъ ей самыя хорошія вѣсти. „Сей разум-

ный офицеръ," писала Екатерина Потемкину, „нашелъ, что имя Пугачова въ омерзѣніи у старшинъ и казаковъ, и они даже станицу, гдѣ родился сей извергъ, переводить желаютъ на другое мѣсто.“ Екатерина приказала переимѣнить названіе Зимовейской станицы и назвать ее Потемкинской, которая существуетъ и понынѣ. Что думала гольтьба, въ точности неизвѣстно. Итакъ донцы остались вѣрными правительству.

Кромѣ того Пугачовъ посылалъ своихъ ходяковъ и въ волжское войско, но оно также было довольно своимъ положеніемъ и тоже не хотѣло пристать къ Пугачову. Однако оно опасалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что войско Пугачова можетъ разорить ихъ, а потому послало сказать ему, что признаетъ его императоромъ, но помощи никакой все-таки не дали, отговорившись тѣмъ, что войско, молъ, и безъ того уже разорено и истощено.

Посылалъ Пугачовъ также и къ калмыкамъ, къ ихъ князю Бандуру, приказывая имъ придти на помощь. Калмыки точно пришли, но пользы большой отъ нихъ не было, потому что очень плохо дрались.

Итакъ, стало быть, помощи ни съ какой стороны; а между тѣмъ воротиться въ Россію не было уже возможности. Нужно было, напротивъ,

идти все дальше и дальше изъ Россіи въ степь. Михельсонъ гнался за Пугачовымъ и ежечасно могъ догнать его. Нужно было бѣжать все дальше, и Пугачовъ бѣжалъ; но видя, что уже нѣтъ никакой надежды, видя, что дѣло проиграно, онъ совершенно упалъ духомъ и сталъ пить пуще прежняго.....

На пути въ степь стоялъ городъ Царицынъ. Пугачову приходилось брать его. Начальникомъ Царицына былъ Цыплетевъ, человекъ умный и храбрый. Онъ прекрасно укрѣпилъ городъ, да притомъ и войска у него было достаточно: при надобности онъ могъ выставить пять тысячъ всякаго рода войска.

Когда Пугачовъ приблизился къ Царицыну, Цыплетовъ выслалъ противъ него почти четыре тысячи человекъ и четыре пушки. У Пугачова же было шесть тысячъ и двадцать семь пушекъ.

На рѣкѣ Пролейкѣ, 16 августа, солдаты Цыплетева напали на Пугачова. Пугачовъ разбилъ этихъ солдатъ, а остатки ихъ въ величайшемъ безпорядкѣ прибѣжали въ Саратовъ.

17 августа Пугачовъ занялъ Дубовку. Атаманъ волжскаго войска бѣжалъ. Жители встрѣтили Пугачова съ хлѣбомъ-солью и знаменами. Однако въ его войско никто не пошелъ.

Пугачовъ пошелъ дальше къ Царицыну. Цып-

летевъ выслалъ ему на встрѣчу новое войско; это были донскіе казаки, только что пришедшіе съ Дону въ Царицынъ. Ихъ было тысяча человекъ. На рѣкѣ Мечетной они встрѣтились съ Пугачовымъ. Произошла битва, донцы были разбиты и половина ихъ передалась на сторону Пугачова.

Это была послѣдняя его побѣда. 21 августа, въ часъ пополудни армія Пугачова подступила къ Царицыну. Цыплетовъ оборонялся храбро. Между тѣмъ Пугачовъ былъ въ такомъ положеніи, что оставаться долго подъ Царицынымъ ему было никакъ невозможно. Отряды Михельсона и Багратіона гнались за нимъ. Багратіонъ былъ уже всего въ семидесяти верстахъ отъ Царицына. Стало быть, пужно было или быстро, въ короткое время взять Царицынъ, либо пробираться дальше. Пугачовъ сперва попытался взять Царицынъ. Онъ напалъ на него съ сухопутья, а своимъ судамъ приказалъ напасть съ рѣки. Битва продолжалась до семи часовъ вечера, но Царицынъ держался. А между тѣмъ Багратіонъ успѣлъ уже подойти и прорваться въ Царицынъ. Послѣ этого Пугачовъ принужденъ былъ отступить, потерявши до двухъ тысячъ человекъ.

Итакъ, онъ прошелъ мимо Царицына, не взявши его и потерявши огромный уронъ. Армія

его была совершенно разстроена, а новой взять негдѣ, потому что дальше уже начиналась степь, гдѣ и народу то нѣтъ вовсе. Пугачовъ увидѣлъ, что его дѣло окончательно проиграно; пройдя верстъ сто отъ Царицына, онъ три дня стоялъ на мѣстѣ и цѣплялся. Наконецъ, опомнился и пошелъ дальше; но уже было поздно. Въ три дня Михельсонъ успѣлъ дойти до Царицына, далъ тамъ отдыхъ своему войску, больныхъ и усталыхъ оставилъ въ городѣ, а изъ Царицына набралъ свѣжихъ солдатъ и съ тремя тысячами человекъ догналъ Пугачова.

Онъ догналъ его 25 августа, въ ста верстахъ отъ Царицына. Пугачовъ совершенно не успѣлъ приготовиться и былъ жестоко разбитъ. Всѣ пушки его и обозъ были забраны; изъ всего войска осталось только сто шестьдесятъ четыре человека, самъ Пугачовъ едва успѣлъ убѣжать и переправиться за Волгу, въ степь. Положеніе его было отчаянное. Въ степи войска набрать негдѣ; со всѣхъ сторонъ отряды Михельсона и другихъ бросились за нимъ въ погоню, а у него было только сто шестьдесятъ четыре человека.

Потолковавши со своими полковниками, Пугачовъ рѣшилъ идти на рѣку Узень. Эта рѣка течетъ по среднѣ степи; на ней были небольшія поселенія казаковъ. Пугачовъ рѣшилъ идти

туда, собрать тамъ хоть нѣсколько человѣкъ и отправиться потомъ на рѣку Яикъ (Ураль) къ Каспійскому морю въ Гурьевъ городокъ, оттуда на лодкахъ бѣжать въ море и перезимовать гдѣ нибудь въ морѣ, на островѣ. Весною же снова идти въ Россію и бунтовать народъ. Конечно, эта выдумка была отчаянная. Коли въ этомъ году не удалось своего добиться, такъ сейчасъ послѣ этого, на другой годъ не добились бы и по-давно. Теперь всѣ дворяне и Екатерина были на готовѣ и на первыхъ же порахъ не давали бы начаться бунту; они не вывели бы своихъ войскъ съ Яика и изъ Астрахани. Но лучшаго все таки нельзя было придумать, и казаки рѣшили идти на Узень; а потомъ къ Гурьеву городку.

Между тѣмъ въ Царицынъ прибылъ знаменитый Суворовъ; онъ принялъ начальство надъ войскомъ и отправилъ въ степь множество мелкихъ отрядовъ ловить Пугачова. Полковники Пугачова увидѣли, что имъ, можетъ, и до Гурьева городка не дойти и задумали выдать его.

Они были уже на Узеняхъ. Войско стало по одну сторону рѣки, а самъ Пугачовъ съ полковниками по другую. Пугачовъ сидѣлъ одинъ въ избѣ. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Бошли полковники и стали говорить съ нимъ о своемъ

отчаянномъ положеніи, а сами старались стать такимъ образомъ, чтобы загородить ему дорогу къ двери и къ оружію. Шугачовъ снова сталъ имъ говорить, что больше нечего дѣлать, какъ идти къ Гурьеву городку. Полковники отвѣчали :

— „Мы ужъ давно за тобою ѣздимъ; пора и тебѣ за нами поѣхать.“

— „Что же? Вы хотите измѣнить своему государю?“

— „Что дѣлать?“ отвѣчали старшины и бросились сразу на Шугачова. Онъ успѣлъ однако отбѣгнуться отъ нихъ.

— „Я давно видѣлъ вашу измѣну,“ сказалъ онъ и, подозвавши своего любимаго полковника Творогова, сказалъ ему, подавая руки :

— „Вяжи!“ — Твороговъ хотѣлъ скрутить ему руки назадъ, но Шугачовъ не дался.

„Развѣ я разбойникъ?“ сказалъ онъ гнѣвно.

Казакъ посадилъ его на лошадь и повезли въ Яицкій городокъ. Они проѣзжали по берегу Узени. По другую сторону стояло войско Шугачова. Шугачовъ ударилъ лошадь и поскакалъ къ войску, крича, чтобы его спасали. Но голосъ его не доходилъ до войска: было слишкомъ далеко, да притомъ люди спали. Между тѣмъ старшины догнали Шугачова и посадили его на

худую лошадь, чтобы онъ не могъ убѣжать. Поѣхали дальше. На одномъ привалѣ Пугачовъ схватилъ саблю и бросился на своихъ сторожей, но ихъ было слишкомъ много. Его обезоружили, связали, привезли въ Яицкій городокъ и выдали капитану Симонову. Симоновъ посадилъ Пугачова подъ крѣпкую стражу въ тюрьму.

Черезъ нѣсколько дней въ Яицкій городокъ поспѣшно прибылъ Суворовъ. Онъ долго съ любопытствомъ говорилъ съ Пугачовымъ, расспрашивалъ его о его надеждахъ, о его дѣйствіяхъ. Послѣ этого Суворовъ посадилъ Пугачова въ деревянную клѣтку и повезъ въ Симбирскъ, къ Панину; множество солдатъ и двѣ пушки провожали грознаго плѣнника. Самъ Суворовъ находился при немъ безотлучно.

Панинъ принялъ Пугачова грубо и дерзко, какъ настоящій русскій дворянинъ. Давно ли этотъ самый Панинъ въ страхѣ передъ Пугачовымъ не рѣшился выѣхать изъ Москвы къ своему войску, давно ли Панинъ говорилъ дворянамъ: „Господа, намъ остается только умереть...“ А теперь онъ держалъ въ рукахъ этого самаго грознаго Пугачова. Грубо закричалъ Панинъ: „какъ ты смѣлъ, воръ, назваться государемъ?“

Пугачовъ притворился, будто ослышался, и сказалъ :

„Я не воронъ, а только вороненокъ; а воронъ то еще летаетъ.“

Изъ Симбирска повезли его въ Москву. Множество народа вышло на встрѣчу. Не такъ хотѣлъ бы честный народъ встрѣтить его. Мрачно, съ горемъ и досадою смотрѣли крестьяне на это шествіе, многія женщины плакали, а матери поднимали вверхъ своихъ дѣтей и говорили имъ :

„Смотрите и хорошенько помните этого человѣка, помните, что вы видѣли Емельяна Ивановича.“

А дворяне радовались, ликовали. Ихъ лютый врагъ, передъ которымъ они долго даже защищаться не смѣли, былъ теперь въ ихъ рукахъ. И не вырваться уже ему изъ этихъ рукъ, не избѣгнуть ему жестокой муки.

Привезли Пугачова въ острогъ и стали допрашивать. Долго продолжалось слѣдствіе. Во время допроса Пугачова пытали. Только не помогли ихъ пытки, и не выдалъ Пугачовъ своихъ товарищей...

Наконецъ, слѣдствіе кончилось: 10 января 1775 года въ Москвѣ на Болотной площади поставили помость и устроили висѣлицы. Собралось множество народу. Арестантовъ привезли изъ тюрьмы и стали ихъ казнить различными казнями. Самому Пугачову и Церфилеву обрубили руки, потомъ ноги и наконецъ голову;

Чекъ срубили голову; Шигаева и двоихъ другихъ повѣсили; восемь человѣкъ наказали кнутомъ, вырвали имъ ноздри и сослали въ каторгу; одиннадцать человѣкъ высѣкли кнутомъ, вырвали ноздри и сослали на поселеніе; трехъ наказали кнутомъ, а четырехъ — плетью.

Такъ кончилъ свою удалую жизнь, борецъ за землю и волю, Емельянъ Прановичъ Пугачовъ и его молодцы — товарищи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пугачова поймали, но этимъ еще не усмирили мятежа. Его купили; но и послѣ этого еще долго продолжали волноваться крестьяне. Только 15 сентября 1775 года, то есть черезъ годъ послѣ поймки Пугачова, было объявлено, что бунтъ усмиренъ. Значитъ, цѣлый годъ еще бунтовали крестьяне; ихъ мелкія шайки попрежнему ходили въ разныя стороны, жгли помѣщичьи усадьбы, избивали дворянъ, грабили ихъ имущество. Но этотъ бунтъ былъ уже не опасенъ для Екатерины и русскаго дворянства; этотъ бунтъ былъ страшенъ только для мѣстныхъ дворянъ. Не было уже такого человѣка, который бы соединилъ эти мелкія

шайки въ одну грозную армію и двинулъ бы ее въ Россію на Москву.

Цѣлый годъ Панинъ былъ полновластнымъ властителемъ въ Поволжьи. Цѣлый годъ онъ съ ужасною жестокостію усмиралъ крестьянъ. Сотни отрядовъ по его приказанію ходили въ разныя стороны, разбивали мелкія шайки, ловили бунтовщиковъ и представляли ихъ въ городъ. Они усмиряли крестьянъ, вѣшали ихъ на висѣлицахъ и глаголахъ, рѣзали имъ уши для отмѣтки и водворяли дворянъ въ ихъ имѣніяхъ. Изловивши шайку бунтовщиковъ, солдаты навязывали ихъ на канатъ и гнали въ городъ, въ острогъ. Если кто отъ усталости не могъ идти, либо такъ чѣмъ прогнѣвалъ солдатъ или офицера, того безъ сожалѣнія пристрѣливали и бросали, какъ собаку, на дорогѣ. Поэтому большая часть изъ нихъ погибала и не доходила даже до острога. Такъ, напримѣръ, изъ Царицына отправили въ Петровскъ партію въ 85 человѣкъ, а дошло изъ нихъ до Петровска только трое. Другая партія была послана изъ Царицына въ Саратовъ: послали 106 человѣкъ, а дошло 17. Въ Саратовъ была послана партія въ 109 человѣкъ, а дошло 35; другой разъ въ Саратовъ уже было послано 311 человѣкъ, дошло изъ нихъ 74. Остальные всѣ погибали отъ усталости, голода, холода, ихъ пристрѣливали, отвязывали отъ кана-

та, а остальныхъ гнали дальше. И такъ повсемѣстно. Вотъ сколько гибло народу при этихъ пересылкахъ. А прогуляться на канатѣ приходилось чуть не каждому мужику, вѣдь во время бунта деревни оставались съ однѣми бабами и стариками; всѣ мужчины уходили въ шайки. Ихъ ловили и отправляли въ остроги цѣлыми тысячами. Михельсонъ въ одинъ разъ пригналъ девять тысячъ народу. А сколько погибло дорогой!

Въ городахъ всѣ остроги были полны арестантами. Ихъ сажали въ землянки, сарай, амбары; но и тамъ, наконецъ, не хватало мѣста. Здѣсь ихъ допрашивали, кто они такіе и кто изъ какого мѣста; кто говорилъ, того отправляли на канатѣ назадъ къ помѣщику. Если помѣщикъ хотѣлъ, чтобъ его крестьянина казнили, онъ давалъ объ этомъ знать начальству, такъ и дѣлали. Многимъ рѣзали уши для того, чтобы знать всегда, что они были бунтовщиками. Многіе крестьяне называли себя чужимъ именемъ, чтобы не попасть къ своему барину. Тогда ихъ наказывали внудомъ и отправляли въ Сибирь.

Долго усмиряли такимъ образомъ крестьянъ. Чуть не половина мужиковъ въ той мѣстности пропала безъ вѣсти, перебита, перемерла, пошла въ каторгу. Въ каждой семьѣ не доставало когонибудь. Поля остались не паханными, начался го-

лодь..... Крестьянамъ было уже не до бунта. Возстаніе кончилось. Все Поволжье было обито кровью, мерло отъ голода. Но за то господа — дворяне попрежнему могли пировать и веселиться спокойно и безъ страха. Роскошно и щедро наградила Екатерина графа Панина; она дала ему богатая помѣстья, подарила шестьдесятъ тысячъ рублей (двѣсти сорокъ тысячъ по нынѣшнему счету), подарила шпагу, усыпанную брилліантами..... Да, много было на шпагѣ той брилліантовъ, но ихъ все таки не хватило бы во всемъ свѣтѣ, если бы Екатерина захотѣла дать Панину по брилліанту за каждую душу человѣческую, которую онъ загубилъ на пользу господамъ.

Екатерина хотѣла, чтобы народъ забылъ про Пугачова, и запретила говорить о немъ; кто говорилъ о Пугачовѣ, того жестоко драли плетью. Зимовейскую станицу, гдѣ родился Пугачовъ, она приказала называть впередъ Потемкинскою. Рѣку Яикъ приказала назвать Ураломъ, а яицкое войско переименовала въ уральское. Такъ старалась государыня искоренить въ народѣ всякое воспоминаніе объ удаломъ Емельянѣ и о славномъ возстаніи.

Но мы не станемъ дѣлать, какъ хотѣла Екатерина. Напротивъ того мы постараемся, какъ можно лучше помнить Пугачова и Цугачовщину; постараемся помнить, почему возстаніе не удалось, какія

тогда сдѣланы ошибки. Если приведетъ Богъ дожить и намъ до такого же славнаго времени, мы не станемъ уже дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя погубили Емельяна Пугачова.

Поэтому припомнимъ еще разъ все прочитанное и посмотримъ, чему можно научиться изъ исторіи пугачовскаго бунта.

Многіе говорятъ: „гдѣ, молъ, народу подняться. Скверно жить народу, давить его и начальство. и помѣщики, и суды неправедные, и попы... Да привыкъ народъ терпѣть. Терпѣли и отцы и дѣды, терпятъ и сами они. Не подняться народу.“

Но изъ пугачовщины видно иное. Долго терпѣлъ народъ, много обидъ сносилъ, пока надѣялся на Екатериныны обѣщанья. Мазала и она по губамъ. Но подъ конецъ надоѣло народу такое собачье житье; крестьяне увидѣли, что не на кого надѣяться; нашлась кучка людей посмѣлѣе, чтобы первымъ начать дѣло, и поднялся народъ дружно и смѣло, и сталъ истреблять своихъ злодѣевъ.

Тоже будетъ и нынѣ. Терпитъ народъ, сноситъ всякія обиды, покуда есть надежда, что вотъ лучше станетъ. Вотъ, молъ, увидятъ царь, что не въ моготу мужику, и приберетъ дворянъ къ своимъ рукамъ. Дастъ землю и волю мужику. — Да не слѣпой же весь русскій народъ. И теперь уже видѣть, что воля безъ земли былъ одинъ обманъ,

видить и то, какъ господа что годъ, то больше силы берутъ надъ мужикомъ, — что годъ, то тяжело мужику. Легко увидѣть хоть бы въ томъ же Питерѣ, каково царь печется о крестьянахъ, съ кѣмъ онъ дружбу водить — съ мужикомъ или съ баринномъ; всякому видно, каково развращаются и разживаются дворяне, купцы, міроѣды, сколько съ каждымъ годомъ плодятся всякихъ пиявицъ кровь сасать у работающаго человѣка. Увидить народъ, что не на кого надѣяться, и самъ возьмется за расправу.

Опять говорятъ: при Екатеринѣ, передъ пугачовщиной было множество мелкихъ бунтовъ, по всѣмъ концамъ Россіи. Но и нынѣ тоже самое. Цередъ волей года не проходило безъ пяти-шести такихъ бунтовъ, что войсками умирали. И съ тѣхъ самыхъ поръ пошли каждо — годно крестьянскіе бунты. И что годъ, то крупнѣе. То въ Казанской, то въ Тверской губерніи, то въ Псковской, то въ Рязанской. Только слухъ объ этихъ бунтахъ не доходитъ повсюду: дай срокъ — всѣхъ будутъ оповѣщать про всякое такое дѣло. А давно ли бунтовали въ Харьковской губерніи? Давно ли бунтовали на Дону и въ Черноморьѣ? Про эти бунты, небось, не въ одной губерніи слыхали.

Да, не выдерживаютъ и нынѣ крестьяне по разнымъ концамъ Россіи, точно такъ же, какъ было

при Екатеринѣ передъ путачовщиной. Когда солнышко закрывается черными тучами и громъ погромыхиваетъ то тамъ, то сямъ, мы говоримъ: „быть бурѣ, быть грозѣ великой.“ Помрачилось и нынѣ лицо православнаго народа, слышится и нынѣ по разнымъ мѣстамъ громъ народнаго возстанія... И мы можемъ смѣло сказать: „быть бурѣ, быть грозѣ великой!“ Другіе говорятъ: „да, народъ бы могъ подняться; но для этого нужно, чтобы появился Стенька Разинъ или Пугачовъ. Если бы народились теперь такіе добро молодцы, поднялся бы народъ. Но гдѣ нынѣ сѣищется Цугачовъ или Разинъ?

Но мы прочли про Цугачова и видѣли, что ничего такого особеннаго не было ни въ Цугачовѣ, ни въ Шигаевѣ, ни въ Овчинниковѣ и ни въ комъ изъ его товарищей. Это были люди умные, смѣлые и хорошіе, но развѣ нынѣ нѣтъ умныхъ, смѣлыхъ и хорошихъ людей? Такихъ людей всегда было, есть и будетъ очень много. Мы видѣли даже, что Цугачовъ и его товарищи не разъ дѣлали такіа ошибки, которыхъ легко можно было не сдѣлать. Значитъ, никакого особеннаго, невиданнаго ума въ нихъ не было. И это всегда такъ. Сила не въ Цугачовыхъ, а въ народѣ. Станетъ волноваться народъ — найдутся и Цугачовы. Было бѣ болото, а черти завсегда сѣищутся.

Многіе говорятъ: „гдѣ жъ народу освободить-

ся? У богатыхъ есть войско, суды и всякое начальство. Они обучены военному дѣлу и всякое дѣло умѣютъ устроить. Они заступаются другъ за дружку, рука руку моетъ, а между крестьянами нѣтъ согласія. Какъ можетъ народъ справиться съ такою силою?“ — Но что жъ вышло при Екатеринѣ? Согласія между крестьянами раньше тоже не было; тоже, небось, шли раздоры въ каждомъ селѣ изъ за своихъ домашнихъ дѣлъ, какъ и теперь. А на такое великое, святое дѣло, чтобы подняться противъ своихъ грабителей, нашлось у крестьянъ довольно согласія. Какъ только въ деревняхъ узнавали, что будетъ поддержка отъ пугачовской арміи, — всѣ раздоры забывали и шли согласно и смѣло противъ помѣщика. А между господами что было? По Волгѣ уже были помѣщиковъ, а въ Казани Бибиковъ едва - едва сговорилъ казанскихъ помѣщиковъ подумать объ оборонѣ. Потомъ были казанскихъ помѣщиковъ и нижегородскихъ, а владимірскіе да московскіе пировали, какъ будто не объ нихъ шло дѣло. Да ни въ одномъ городѣ не бывало согласія. Въ Саратовѣ трое межъ собою спорили большецѣлой крестьянской сходки. Нѣтъ, согласія между господами, не было и не будетъ на смѣлое дѣло. Вотъ втихомолку, по закону обирать мужика, да всячески обойти его плутнями — на это у нихъ полное согласье; а на то, чтобъ отбиваться

отъ мужика, чтобъ жертвовать сообща, у нихъ не было согласья и не будетъ. Идти противъ мужицкихъ вилъ не то, что законно продавать послѣднюю скотину подъ прикрытьемъ станового и солдатъ. Да, они ученые и военному дѣлу учились, они и по своимъ книжкамъ знаютъ, каково воевать съ крестьянами, когда всѣ деревни поголовно поднимаются. Ихъ учили военному дѣлу, какъ воевать одной арміи съ другою; тутъ они всѣ хитрости знаютъ. А какъ воевать, когда и передъ тобою, и позади тебя, и съ боковъ, того и жди, нападутъ на каждаго, когда всѣ мосты и дороги портятъ, всѣхъ гонцовъ перехватываютъ, — это они знаютъ по книжкамъ, что тутъ никакая армія не справится. Суворовъ ужъ на что былъ генераль, никто никогда его не побилъ. И тотъ всячески мѣшкалъ ѣхать въ войско, воевать съ Пугачовымъ. Онъ шесть мѣсяцевъ отъ Москвы ѣхалъ, и пріѣхалъ только тогда, когда Пугачовъ уже безъ войска рыскалъ по безлюдной степи. На крестьянскую войну онъ не шелъ, потому что Суворовъ лучше всѣхъ генераловъ понималъ, что нѣтъ сгромаще той войны, когда весь народъ подымается, что въ такой войнѣ сѣрые мужики безъ всякихъ генераловъ могутъ Суворова разбить.

Да, недоимки собирать и пороть крестьянъ, когда они сами на брюхо ложатся, не то, что идти

противъ крестьянскаго бунта, гдѣ всякую вилу
всякую косу, насаженную прямою на палку,
всякій большой гвоздь царевать всадить тебѣ въ
бокъ. Отъ этого вотъ что вышло: и при Екатер-
инѣ было войска, и судовъ, и начальства не меньше
нынѣшняго. А поднялся народъ, начальство стру-
сило, голову потеряло. Грабители народа и защи-
щаться путемъ не смѣли. Да и войско то и дѣло
переходило на сторону Пугачова. Правда и то, что
какъ началось возстаніе, большая часть войска
была за границей? Но мало ли и теперь еще бу-
детъ войнъ? Да дѣло и вовсе не въ этомъ, а вотъ
въ чемъ.

При Пугачовѣ бунтъ начался только въ одномъ
мѣстѣ. По всей Россіи не было заранѣе никакого
сговора на счетъ бунта. И то полъ Россіи отозва-
лось на кликъ, только не разомъ. Въ этомъ то и
горе было. А теперь, когда подымется народъ,
схвѣетъ заранѣе сговориться: начинайте, молъ,
тамъ то, а мы въ тоже время не будемъ зѣвать,
сейчасъ же у себя примемся за дѣло. Такъ вотъ и
подумайте сами, православные. Когда бунтуютъ
только въ одномъ мѣстѣ, — туда и войска гонять.
А какъ въ Царѣво-Полянѣ полетятъ со всѣхъ сторонъ гон-
цы, что войска идутъ на Волгу, глядь взбунтова-
лась Тульская губернія. Послали войско на Тулу,
а въ бунтуется Тверская губернія, и такъ со всѣхъ

сторонѣ. Такъ тутъ, хоть семи пядей во лбу будешь и то растеряешься — не знамо, куда войска слать. Тутъ хоть и того больше будь войска противъ теперешняго, — не найдешь столько, чтобъ во всѣ губерніи послать; да чтобъ въ каждой губерніи крестьяне не побии войска поодиночкѣ

Вся сила, стало быть, въ томъ, чтобы не дремать въ другихъ губерніяхъ, когда бунтъ начался въ одной.

Мы вотъ и изъ Пугачовщины видѣли, что крестьяне имѣютъ большую силу, гораздо больше, чѣмъ правительство. Только не съумѣли они въ пугачовщину воспользоваться этой силой, какъ слѣдуетъ. Если бы крестьяне во всѣхъ губерніяхъ подымались и изъ всѣхъ губерній слали свои крестьянскія войска на Москву вмѣсто того, чтобы дожидаться Пугачова, а потомъ на мѣстѣ толочься, такъ не выдержала бы Екатерина, не выдержали бы дворяне, и кончилось бы ихъ несправедливое царствованіе.

А то еще говорятъ: „Вотъ, бунтовали при Пугачовѣ. Ужъ какая сила была, и то ничего не подѣлали. Сколько народа бунтовало и все безъ толку.“

Да, бунтовало много народу, а еще больше того не бунтовало. Все ждали, покуда подойдетъ самъ Пугачовъ со своими силами, а до тѣхъ поръ сами

не начинали. Самая большая ошибка была сдѣлана съ самаго начала. Какъ назвался Пугачовъ царемъ, такъ понятно, что безъ него не начинали. Ждали, когда онъ самъ пожалуетъ, а безъ царскаго указа сами не шли, его поджидали. Другое дѣло, когда крестьяне сами поднимутся, безъ всякаго названнаго царя; тогда съумѣютъ черезъ ходоковъ заранее сговориться, согласить людей посмѣлѣе и разомъ начать во многихъ мѣстахъ. При Екатеринѣ трудно было сговориться. Тогда попасть изъ одной губерніи въ другую было трудно, народъ вездѣ жилъ особнякомъ и не зналъ, что дѣлается въ сосѣднихъ губерніяхъ за двѣсти, за триста верстъ. Теперь люди чаще переѣзжаютъ изъ одного мѣста въ другое. Иной и не долго живетъ на свѣтѣ, а вездѣ то успѣлъ побывать. Стало быть, теперь сговориться легче. Царемъ тоже никто называться не станетъ, а сговорятся заранее начать во многихъ мѣстахъ и царскаго пріѣзда ждать не станутъ, чтобы бить дворянъ.

Наконецъ, изъ пугачовщины видно, что дѣло крестьянское не выгорѣло потому еще, что Пугачовъ все наровилъ устроить народъ по старому. Теперь надо помнить, что никакая царская власть не поможетъ народу. Раздѣлавшись съ теперешнимъ господскимъ правленіемъ, народъ можетъ устроиться только самъ, по своему разуму и на

всей своей волѣ, безо всякаго начальства. Какъ уменъ нибудь человѣкъ, а нѣтъ того человѣка, чтобы былъ умнѣе всѣхъ, всего народа сообща. Сами посудите. Покуда возстанье было въ одномъ мѣстѣ, могъ и одинъ человѣкъ управлять, все знать, за всѣмъ присматривать. А какъ поднялись Казанская губернія, Нижегородская, Саратовская и вся Волга, такъ не было никакой возможности одному человѣку всѣмъ распоряжаться. Вотъ если бы Пугачовъ понималъ это, то не мудрилъ бы онъ надъ народомъ, а не мудрилъ бы — не опустились бы у него руки и не надѣлалъ бы онъ такихъ ошибокъ, что погубили и его и все дѣло крестьянское. Понималъ бы это народъ, не далъ бы онъ Пугачову мудрить, не ждалъ бы всего спасенья отъ одного человѣка. Одинъ человѣкъ ничего не подѣлаетъ, коли сами повсемѣстно за умъ не возьмутся.

Вотъ чему научила насъ пугачовщина. Ободришь же, русскій народъ, вспомни свою могучую силу, вспомни, что не клиномъ сошлась русская земля, и что вездѣ найдутся у тебя атаманы не хуже Пугачова; вспомни, что враги твои трусливы, какъ зайцы, и что они побѣгутъ въ ужасъ и страхъ, какъ только ты позовешь ихъ на расправу.

„Я не воронъ, говорилъ Пугачовъ, я только

вороненокъ; воронъ то еще летаетъ.“ И правду сказалъ Пугачовъ; онъ былъ только вороненокъ; настоящій воронъ по сю пору летаетъ еще надъ Русью матушкой, но надоѣстъ ему когда нибудь летать поподнебесью и спустится онъ на землю. И поднимутся тогда русскіе крестьяне, поднимется честной народъ, съ силою и славою великою, на страхъ всѣмъ врагамъ своимъ. Ужъ не Пугачовщина будетъ это, это будетъ Крестьянщина, не четыре губерніи поднимутся, поднимется вся Русь-Матушка. Рѣки крови пролила пугачовщина, но крестьянщина прольетъ ее цѣлое море. Истребятъ мужики все зло, всю неправду на землѣ и заживутъ тогда въ довольствѣ и въ счастіи, и царствію ихъ не будетъ конца. Только пусть помнятъ, что нужно дѣйствовать дружно и сразу, что не должно ожидать ничего отъ начальства, а во всемъ слѣдуетъ полагаться лишь на свою мужицкую силу и на свой крестьянскій разумъ.

